

Николай Носов

Тук-Тук-Тук!

Издательство «Детская литература»

Фантазёр

Мишутка и Стасик сидели в саду на скамеечке и разговаривали. Только они разговаривали не просто, как другие ребята, а рассказывали друг другу разные небылицы, будто пошли на спор, кто кого переверёт.

— Сколько тебе лет? — спрашивает Мишутка.

— Девяносто пять. А тебе?

— А мне сто сорок. Знаешь, — говорит Мишутка, — раньше я был большой-большой, как дядя Боря, а потом сделался маленький.

— А я, — говорит Стасик, — сначала был маленький, а потом вырос большой, а потом снова стал маленький, а теперь опять скоро буду большой.

— А я, когда был большой, всю реку мог переплыть, — говорит Мишутка.

— У! А я море мог переплыть!

— Подумаешь — море! Я океан переплывал!

— А я раньше летать умел!

— А ну, полети!

— Сейчас не могу: разучился.

— А я один раз купался в море, — говорит Мишутка, — и на меня напала акула. Я её бац кулаком, а она меня цап за голову — и откусила.

— Врёшь!

— Нет, правда!

— Почему же ты не умер?

— А зачем мне умирать? Я выплыл на берег и пошёл домой.

— Без головы?

— Конечно, без головы. Зачем мне голова?

— Как же ты шёл без головы?

— Так и шёл. Будто без головы ходить нельзя!

— Почему же ты теперь с головой?

— Другая выросла.

«Ловко придумал!» — позавидовал Стасик. Ему хотелось соврать получше Мишутки.

— Ну, это что! — сказал он. — Вот я раз был в Африке, и меня там крокодил съел!

— Вот так соврал! — рассмеялся Мишутка.

— Вовсе нет.

— Почему же ты теперь живой?

— Так он же меня потом выплюнул.

Мишутка призадумался. Ему хотелось перевернуть Стасика. Он думал, думал, наконец говорит:

— Один раз я шёл по улице. Кругом трамваи, автомобили, грузовики...

— Знаю, знаю! — закричал Стасик. — Сейчас расскажешь, как тебя трамвай переехал. Ты уже врал про это.

— Ничего подобного. Я не про это.

— Ну ладно. Ври дальше.

— Вот я иду, никого не трогаю. Вдруг навстречу автобус. Я его не заметил, наступил ногой — рраз! — и раздавил в лепёшку.

— Ха-ха-ха! Вот это враки!

— А вот и не враки!

— Как же ты мог раздавить автобус?

— Так он же совсем маленький был, игрушечный. Его мальчишка на верёвочке тащил.

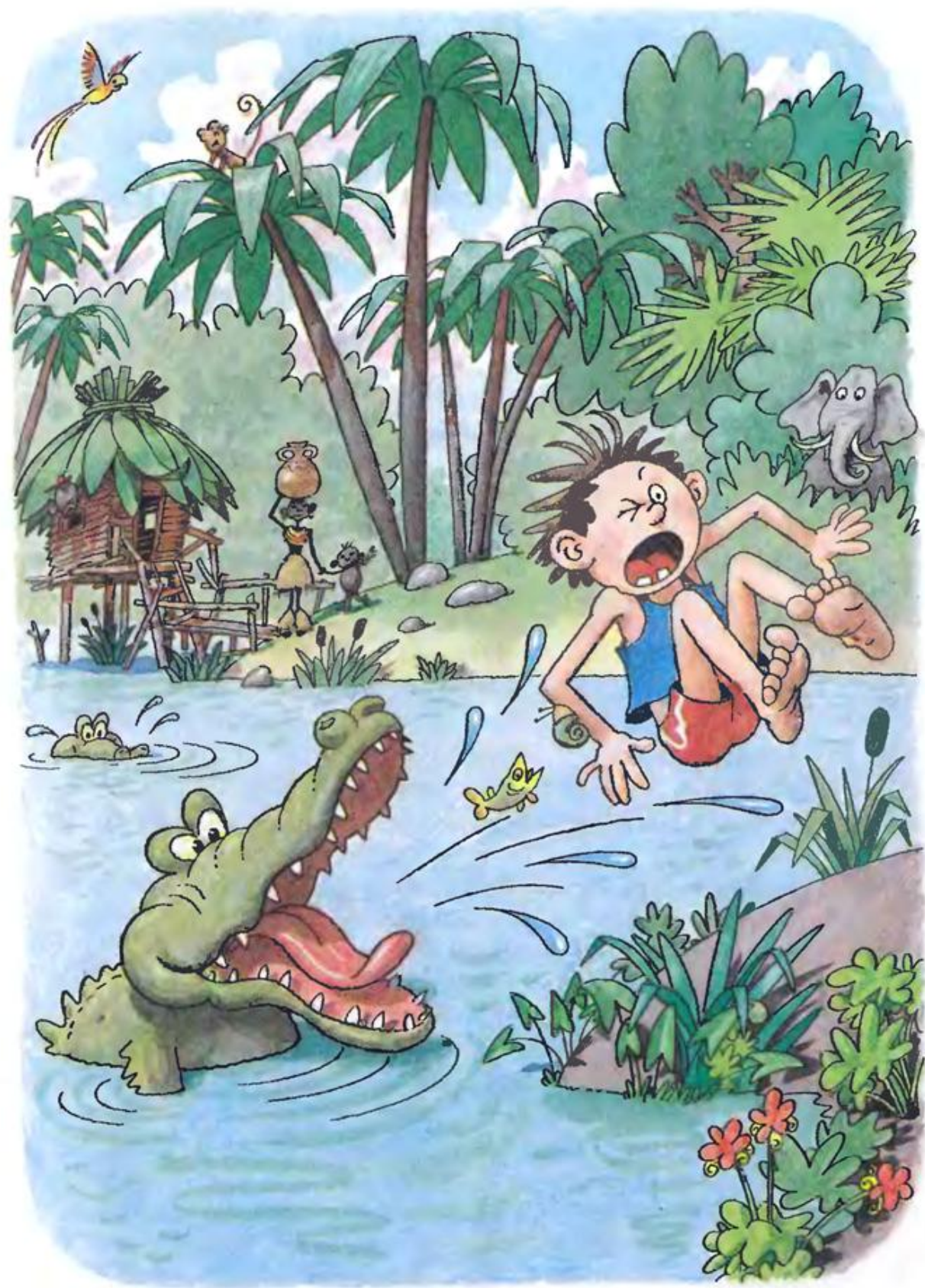
— Ну, это не удивительно, — сказал Стасик. — А я раз на Луну летал.

— Эва, куда махнул! — засмеялся Мишутка.

— Не веришь? Честное слово!

— На чём же ты летал?

— На ракете. На чём ещё на Луну летают? Будто не знаешь сам!

— Что же ты там на Луне видел?

— Ну, что... — замялся Стасик. — Что я там видел? Ничего и не видел.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Мишутка. — А говорит, на Луну летал!

— Конечно, летал.

— Почему же ничего не видел?

— А темно было. Я ведь ночью летал. Во сне. Сел на ракету и как полечу в космическое пространство. У-у-у! А потом как полечу обратно... Летел, летел, а потом бряк о землю... ну и проснулся...

— А-а, — протянул Мишутка. — Так бы сразу и говорил. Я ведь не знал, что ты — во сне.

Тут пришёл соседский Игорь и сел рядом на скамеечке. Он слушал, слушал Мишутку и Стасика, потом говорит:

— Вот врут-то! И вам не стыдно?

— А чего стыдно? Мы же никого не обманываем, — сказал Стасик. — Просто выдумываем, будто сказки рассказываем.

— Сказки! — презрительно фыркнул Игорь. — Нашли занятие!

— А ты думаешь, легко выдумывать?

— Чего проще!

— Ну выдумай что-нибудь.

— Сейчас... — сказал Игорь. — Пожалуйста.

Мишутка и Стасик обрадовались и приготовились слушать.

— Сейчас, — повторил Игорь. — Э-э-э... гм... кхм... э-э-э...

— Ну, что ты всё «э» да «э»!

— Сейчас! Дайте подумать.

— Ну, думай, думай!

— Э-э-э, — снова сказал Игорь и посмотрел на небо. — Сейчас, сейчас... э-э-э...

— Ну, чего же ты не выдумываешь? Говорил — чего проще!

— Сейчас... Вот! Один раз я дразнил собаку, а она меня цап за ногу и укусила. Вот даже шрам остался.

— Ну и что же ты тут выдумал? — спросил Стасик.

— Ничего. Как было, так и рассказал.

— А говорил — выдумывать мастер!

— Я мастер, да не такой, как вы. Вот вы всё врёте, да без толку, а я вчера соврал, мне от этого польза.

— Какая польза?

— А вот. Вчера вечером мама и папа ушли, а мы с Ирой остались дома. Ира легла спать, а я залез в буфет и съел полбанки варенья. Потом думаю: как бы мне не попало. Взял Ирке губы вареньем намазал. Мама пришла: «Кто варенье съел?» Я говорю: «Ира». Мама посмотрела, а у неё все губы в варенье. Сегодня утром ей от мамы досталось, а мне мама ещё варенья дала. Вот и польза.

— Значит, из-за тебя другому досталось, а ты и рад! — сказал Мишутка.

— А тебе что?

— Мне ничего. А вот ты этот... как это называется... Брехун! Вот!

— Сами вы брехуны!

— Уходи! Не желаем с тобой на лавочке сидеть.

— Я и сам не стану с вами сидеть.

Игорь встал и ушёл. Мишутка и Стасик тоже пошли домой. По дороге им попала палатка с мороженым. Они остановились, стали рыться в карманах и считать, сколько у них денег. У обоих набралось только на одну порцию мороженого.

Продавщица дала им мороженое на палочке.

— Пойдём домой, — говорит Мишутка, — разрежем ножом, чтоб было точно.

— Пойдём.

На лестнице они встретили Иру. Глаза у неё были заплаканные.

— Ты чего редела? — спрашивает Мишутка.

— Меня мама гулять не пускала.

— За что?

— За варенье. А я его и не ела. Это Игорь на меня наговорил. Наверное, сам съел, а на меня свалил.

— Конечно, Игорь съел. Он сам нам хвастался. Ты не плачь. Пойдём, я тебе свою полпорцию мороженого дам, — сказал Мишутка.

— И я тебе свою полпорцию отдам, вот только попробую разочек и отдам, — пообещал Стасик.

— А вы разве не хотите сами?

— Не хотим. Мы уже по десять порций съели сегодня, — сказал Стасик.

— Давайте лучше это мороженое на троих разделим, — предложила Ира.

— Правильно! — сказал Стасик. — А то у тебя заболит горло, если ты одна всю порцию съешь.

Пошли они домой, разделили мороженое на три части.

— Вкусная штука! — сказал Мишутка. — Я очень люблю мороженое. Один раз я съел целое ведро мороженого.

— Ну, ты выдумываешь всё! — засмеялась Ира. — Кто тебе поверит, что ты ведро мороженого съел!

— Так оно ведь совсем маленькое было, вёдрышко! Такое бумажное, не больше стакана...

Живая шляпа

Шляпа лежала на комодѣ, котѣнок Васька сидѣл на полу возле комода, а Вовка и Вадик сидѣли за столом и раскрашивали картинки. Вдруг позади них что-то плюхнулось — упало на пол. Они обернулись и увидѣли на полу возле комода шляпу. Вовка подошѣл к комоду, нагнулся, хотѣл поднять шляпу — и вдруг как закричит:

- Ай-ай-ай! — и бегом в сторону.
- Чего ты? — спрашивает Вадик.
- Она жи-жи-живая!
- Кто живая?
- Шля-шля-шля-па.
- Что ты! Разве шляпы бывают живые?
- По-посмотри сам!

Вадик подошѣл поближе и стал смотреть на шляпу. Вдруг шляпа поползла прямо к нему. Он как закричит:

- Ай! — и прыг на диван.

Вовка за ним.

Шляпа вылезла на середину комнаты и остановилась. Ребята смотрят на неё и трясутся от страха. Тут шляпа повернулась и поползла к дивану.

- Ай! Ой! — закричали ребята.

Соскочили с дивана — и бегом из комнаты. Прибежали на кухню и дверь за собой закрыли.

- Я у-у-хо-хо-жу! — говорит Вовка.
- Куда?
- Пойду к себе домой.
- Почему?
- Шляпы бо-боюсь! Я первый раз вижу, чтоб шляпа по комнате ходила.
- А может быть, её кто-нибудь за верѣвочку дѣргает?
- Ну, пойдѣ посмотри.
- Пойдѣм вместе. Я возьму клюшку. Если она к нам полѣзет, я её клюшкой тресну.

— Постой, я тоже клюшку возьму.

— Да у нас другой клюшки нет.

— Ну, я возьму лыжную палку.

Они взяли клюшку и лыжную палку, приоткрыли дверь и заглянули в комнату.

— Где же она? — спрашивает Вадик.

— Вон там, возле стола.

— Сейчас я её как тресну клюшкой! — говорит Вадик. — Пусть только подлезет ближе, бродяга такая!

Но шляпа лежала возле стола и не двигалась.

— Ага, испугалась! — обрадовались ребята. — Бойтесь лезть к нам.

— Сейчас я её спугну, — сказал Вадик.

Он стал стучать по полу клюшкой и кричать:

— Эй ты, шляпа!

Но шляпа не двигалась.

— Давай наберём картошки и будем в неё картошкой стрелять, — предложил Вовка.

Они вернулись на кухню, набрали из корзины картошки и стали швырять её в шляпу. Швыряли, швыряли, наконец Вадик попал. Шляпа как подскочит кверху!

— Мяу! — закричало что-то.

Глядь, из-под шляпы высунулся серый хвост, потом лапа, а потом и сам котёнок выскочил.

— Васька! — обрадовались ребята.

— Наверно, он сидел на полу, а шляпа на него с комода упала, — догадался Вовка.

Вадик схватил Ваську и давай его обнимать:

— Васька, миленький, как же ты под шляпу попал?

Но Васька ничего не ответил. Он только фыркнул и жмурился от света.

АВТОМОБИЛЬ

Когда мы с Мишкой были совсем маленькими, нам очень хотелось покататься на автомобиле, только это никак не удавалось. Сколько мы ни просили шофёров, никто не хотел нас катать. Однажды мы гуляли во дворе. Вдруг смотрим — на улице, возле наших ворот, остановился автомобиль. Шофёр из машины вылез и куда-то ушёл. Мы подбежали. Я говорю:

— Это «Волга».

А Мишка:

— Нет, это «Москвич».

— Много ты понимаешь! — говорю я.

— Конечно, «Москвич», — говорит Мишка. — Посмотри, какой у него капор.

— Какой, — говорю, — капор? Это у девчонок бывает капор, а у машины — капот! Ты посмотри, какой кузов.

Мишка посмотрел и говорит:

— Ну, такое пузо, как у «Москвича».

— Это у тебя, — говорю, — пузо, а у машины никакого пуза нет.

— Ты же сам сказал «пузо»! Эх, ты! Не понимаешь, а лезешь!

Мишка подошёл к автомобилю сзади и говорит:

— А у «Волги» разве есть буфер? Это у «Москвича» — буфер.

Я говорю:

— Ты бы лучше молчал. Выдумал ещё буфер какой-то. Буфер — это у вагона на железной дороге, а у автомобиля бампер. Бампер есть и у «Москвича» и у «Волги».

Мишка потрогал бампер руками и говорит:

— На этот бампер можно сесть и поехать.

— Не надо, — говорю я ему.

А он:

— Да ты не бойся. Проедем немного и спрыгнем.

Тут пришёл шофёр и сел в машину. Мишка подбежал сзади, уселся на бампер и шепчет:

— Садись скорей! Садись скорей!

Я говорю:

— Не надо!

А Мишка:

— Иди скорей! Эх ты, трусишка!

Я подбежал, прицепился рядом. Машина тронулась и как помчится! Мишка испугался и говорит:

— Я спрыгну! Я спрыгну!

— Не надо, — говорю, — расшибёшься!

А он твердит:

— Я спрыгну! Я спрыгну!

И уже начал опускать одну ногу. Я оглянулся назад, а за нами другая машина мчится. Я кричу:

— Не смей! Смотри, сейчас тебя машина задавит!

Люди на тротуаре останавливаются, на нас смотрят. На перекрёстке милиционер засвистел в свисток. Мишка перепугался, спрыгнул на мостовую, а руки не отпускает, за бампер держится, ноги по земле волочатся. Я испугался, схватил его за шиворот и тащу вверх. Автомобиль остановился, а я всё тащу. Мишка наконец снова залез на бампер. Вокруг народ собрался. Я кричу:

— Держись, дурак, крепче!

Тут все засмеялись. Я увидел, что мы остановились, и слез.

— Слезай, — говорю Мишке.

А он с перепугу ничего не понимает. Насилу я оторвал его от этого бампера. Подбежал милиционер, номер записывает. Шофёр из кабины вылез — все на него набросились:

— Не видишь, что у тебя сзади делается?

А про нас забыли. Я шепчу Мишке:

— Пойдём!

Отошли мы в сторонку и бегом в переулок. Прибежали домой, запыхались. У Мишки обе коленки до крови ободраны и штаны порваны. Это он когда по мостовой на животе ехал. Досталось ему от мамы!

Потом Мишка говорит:

— Штаны — это ничего, зашить можно, а колени сами заживут. Мне вот только шофёра жалко: ему, наверно, из-за нас достанется. Видал, милиционер номер машины записывал?

Я говорю:

— Надо было остаться и сказать, что шофёр не виноват.

— А мы милиционеру письмо напишем,— говорит Мишка.

Стали мы письмо писать. Писали, писали, листов двадцать бумаги испортили, наконец написали:

«Дорогой товарищ милиционер! Вы неправильно записали номер. То есть, Вы записали номер правильно, только неправильно, что шофёр виноват. Шофёр не виноват: виноваты мы с Мишкой. Мы прицепились, а он не знал. Шофёр хороший и ездит правильно».

На конверте написали:

«Угол улицы Горького и Большой Грузинской, получить милиционеру».

Запечатали письмо и бросили в ящик. Наверное, дойдёт.

Находчивость

Мы с Вовкой сидели дома, за то что разбили сахарницу. Мама ушла, а к нам пришёл Котька и говорит:

— Давайте играть во что-нибудь.

— Давайте в прятки, — говорю я.

— У, да здесь и прятаться негде! — говорит Котька.

— Почему — негде? Я так спрячусь, что ты вовек не найдёшь. Надо только находчивость проявить.

— А ну-ка, спрячься. Найду в два счёта.

Котька пошёл в коридор и стал считать до двадцати пяти. Вовка побежал в комнату, а я в чулан. В чулане лежала рогожка. Я залез под неё и свернулся на полу комочком.

Вот Котька сосчитал до двадцати пяти и пошёл искать. Вовку он сразу нашёл под кроватью и стал меня искать. Обыскал всю комнату и кухню. Зашёл в чулан, остановился возле меня и говорит:

— Тут кастрюли какие-то, стул сломанный, рогожка старая. Никого нет!

Потом вернулся в комнату и спрашивает:

— Где он? Ты не видал, Вовка?

— Может, в шкафу сидит? — говорит Вовка. — Ну-ка, открой шкаф... Нету!

— Может быть, в буфет забрался?.. Нету! Куда же он делся?

— Знаю! — закричал Вовка. — Он в сундуке!

— Правильно! Больше ему негде быть. Как мы раньше не догадались!

Они подбежали к сундуку и принялись открывать крышку, но она не открывалась.

— Закрыта, — говорит Котька.

— А может, он изнутри держит?

Они стали стучать по крышке и кричать:

— Вылезай!

— Давай перевернём сундук,— говорит Вовка.— Ну-ка, подхватывай с той стороны! Ра-а-а-зом!

Бух! Сундук перевернулся, даже пол задрожал.

— Нет, наверное, его там нету,— говорит Котька.— Не может же он вверх ногами сидеть!

— Должно быть, он в кухне под печкой,— ответил Вовка.

Они побежали на кухню и стали тыкать кочергой под печку:

— Вылезай! Теперь всё равно попался!

Я насилу удержался от смеха.

— Постой,— говорит Вовка.— Я, кажется, кого-то поймал.

— Ну-ка, тащи его!

— Сейчас, зацеплю кочергой только... Есть! Ну-ка, посмотрим, кто это... Тьфу! Старые валенки!.. Где же его искать?

— Не знаю. Я не играю больше. Выходи! — закричал Котька.— Игра окончена! Не хочешь, ну и сиди себе!

Они вернулись в комнату.

— Может быть, он в комод? — спрашивает Вовка.

Послышался скрип.

— Ну что ты ищешь в комод? Разве в ящике спрячешься? — рассердился Котька и пошёл в коридор.

— Почему не спрячешься? Надо проверить,— ответил Вовка.

Он долго скрипел ящиками и вдруг закричал:

— Котька, иди сюда!

— Нашёл? — отозвался Котька.

— Нет, я не могу вылезти.

— Откуда?

— Из комода. Я в комод сажу.

— Зачем же ты залез в комод?

— Я хотел проверить, можно спрятаться в ящике или нет, а ящик перекосялся, и я не могу вылезть.

Тут я не выдержал и громко расхохотался. Котька услышал и бросился искать меня.

— Вытащи меня сначала! — взмолился Вовка.

— Да не кричи ты! Я не разберу, где это он смеётся.

— Вытащи меня! Мне здесь в ящике страшно!

Котька выдвинул ящик и помог Вовке выбраться. Они вместе побежали в чулан. Котька споткнулся об меня и упал.

— Ещё эту рогожу какой-то дурак здесь бросил! — закричал он и со злости как хватит меня ногой.

Я как заору! Вылез из-под рогожки:

— Ты чего дерёшься?

Он увидел меня и обрадовался.

— Ага! Попался! — и побежал в коридор. — Палочка-выручалочка! Тра-та-та!

Я говорю:

— Можешь не трататакать, я не играю больше. Это не игра, чтоб драться.

Прихожу в комнату... Батюшки! Всё разворочено. Шкафы открыты, из комода ящики вытащены, бельё на полу кучей, сундук вверх дном!

Пришлось нам целый час после этого убирать комнату.

Замазка

Однажды стекольщик замазывал на зиму рамы, а Костя и Шурик стояли рядом и смотрели. Когда стекольщик ушёл, они отковыряли от окон замазку и стали лепить из неё зверей. Только звери у них не получились. Тогда Костя слепил змею и говорит Шурику:

— Посмотри, что у меня получилось.

Шурик посмотрел и говорит:

— Ливерная колбаса.

Костя обиделся и спрятал замазку в карман. Потом они пошли в кино. Шурик всё беспокоился и спрашивал:

— Где замазка?

А Костя отвечал:

— Вот она, в кармане. Не съем я её!

В кино они взяли билеты и купили два мятных пряника. Вдруг зазвонил звонок. Костя бросился занимать место, а Шурик где-то застрял. Вот Костя занял два места. На одно сел сам, а на другое положил замазку. Вдруг пришёл незнакомый гражданин и сел на замазку.

Костя говорит:

— Это место занято, здесь Шурик сидит.

— Какой такой Шурик? Здесь я сижу, — сказал гражданин.

Тут прибежал Шурик и сел рядом с другой стороны.

— Где замазка? — спрашивает.

— Тише! — прошептал Костя и покосился на гражданина.

— Кто это? — спрашивает Шурик.

— Не знаю.

— Чего ж ты его боишься?

— Он на замазке сидит.

— Зачем же ты отдал ему?

— Я не давал, а он сел.

— Так забери!

Тут погас свет и началось кино.

— Дяденька,— сказал Костя,— отдайте замазку.

— Какую замазку?

— Которую мы из окна выковырили.

— Из окна выковырили?

— Ну да. Отдайте, дядя!

— Да я ведь не брал у вас!

— Мы знаем, что не брали. Вы сидите на ней.

— Сижу?!

— Ну да.

Гражданин подскочил на стуле.

— Чего ж ты раньше молчал, негодный?

— Так я ведь говорил вам, что место занято.

— Когда же ты говорил? Когда я сел уже!

— Откуда же я знал, что вы сядете?

Гражданин встал и принялся шарить на стуле.

— Ну, где же ваша замазка, злодеи? — проворчал он.

— Пойдите, вот она! — сказал Костя.

— Где?

— Вот, на стуле размазалась. Мы сейчас счистим.

— Счищайте скорей, негодные! — кипятился гражданин.

— Садитесь! — кричали на них сзади.

— Не могу,— оправдывался гражданин.— У меня тут замазка.

Наконец ребята соскоблили замазку.

— Ну, теперь хорошо,— сказали они.— Садитесь.

Гражданин сел.

Стало тихо.

Костя уже хотел смотреть кино, но тут послышался шёпот Шурика:

— Ты уже съел свой пряник?

— Нет ещё. А ты?

— Я тоже нет. Давай есть.

— Давай.

Послышалось чавканье. Костя вдруг плюнул и прохрипел:

— Послушай, у тебя пряник вкусный?

— Угу.

— А у меня невкусный. Мягкий какой-то. Наверное, растаял в кармане.

— А замазка где?

— Замазка вот, в кармане... Только постой! Это не замазка, а пряник. Тьфу! В темноте перепутал, понимаешь, замазку и пряник. Тьфу! То-то я гляжу, что она невкусная!

Костя со злости швырнул замазку на пол.

— Зачем же ты её бросил? — спросил Шурик.

— А на что мне она?

— Тебе не нужна, а мне нужна, — проворчал Шурик и полез под стул искать замазку. — Где же она? — сердился он. — Вот ищи теперь.

— Сейчас я найду, — сказал Костя и тоже исчез под стулом.

— Ай! — послышалось вдруг снизу. — Дядя, пустите!

— Кто это там?

— Это я.

— Кто — я?

— Я, Костя. Пустите меня!

— Да я ведь не держу тебя.

— Вы мне на руку наступили!

— Чего ж ты полез под стул?

— Я замазку ищу.

Костя пролез под стулом и встретился с Шуриком нос к носу.

— Кто это? — испугался он.

— Это я, Шурик.

— А это я, Костя.

— Нашёл?

— Ничего не нашёл.

— И я не нашёл.

— Давай лучше кино смотреть, а то все пугаются, в лицо ногами тыкают, думают — собака.

Костя и Шурик пролезли под стульями и уселись на свои места.

Перед ними на экране мелькнула надпись: «Конец».

Публика бросилась к выходу. Ребята вышли на улицу.

— Что это за кино мы смотрели? — говорил Костя. — Я что-то ничего не разобрал.

— А я, думаешь, разобрал? — ответил Шурик. — Какая-то чепуха на постном масле. Показывают же такие картины.

Саша давно просил маму подарить ему пистолет, который стреляет пистонами.

— Зачем тебе такой пистолет? — говорила мама. — Это опасная игрушка.

— Что тут опасного? Если б он пулями стрелял, а то пистонами. Из него всё равно никого не убьёшь.

— Мало ли что может случиться. Пистон отскочит и попадёт тебе в глаз.

— Не попадёт! Я буду зажмуриваться, когда буду стрелять.

— Нет, нет, от этих пистолетов бывают разные неприятные случаи. Ещё выстрелишь да напугаешь кого-нибудь, — сказала мама.

Так и не купила ему пистолета.

А у Саши были две старшие сестры, Маринка и Ирочка. Вот он и стал просить сестёр:

— Миленькие, купите мне пистолетик! Мне очень хочется. За это я всегда буду вас слушаться.

— Ты, Сашка, хитренький! — сказала Марина. — Когда тебе надо, так ты подлизываешься и миленькими называешь, а как только мама уйдёт, с тобой и не сладишь.

— Нет, сладишь, сладишь! Вот увидите, как я буду вести себя хорошо.

— Ладно, — сказала Ира. — Мы с Мариной подумаем. Если обещаешь вести себя хорошо, то, может быть, купим.

— Обещаю, обещаю! Всё обещаю, только купите!

На другой день сёстры подарили ему пистолет и коробку с пистонами. Пистолет был новенький и блестящий, а пистонов было много: штук пятьдесят или сто. Стреляй хоть весь день — не перестреляешь.

От радости Саша прыгал по комнате, прижимал пистолет к груди, целовал его и говорил:

— Миленький мой, хорошенький пистолетик! Как я тебя люблю!

Потом он нацарапал на ручке пистолета своё имя и начал стрелять. Сразу запахло пистонами, а через полчаса в комнате стало сине от дыма.

— Довольно тебе стрелять,— сказала наконец Ира.— Я каждый раз вздрагиваю от этих выстрелов.

— Трусиха! — ответил Сашка.— Все девчонки—трусихи!

— Вот отнимем у тебя пистолет, тогда узнаешь, какие мы трусихи,— сказала Марина.

— Сейчас я пойду во двор и буду пугать ребят пистолетом,— заявил Сашка.

Он вышел во двор, но ребят во дворе не было. Тогда он побежал за ворота, и вот тут-то случилась эта история. Как раз в это время по улице шла старушка. Сашка подпустил её поближе — и как бабахнет из пистолета! Старушка вздрогнула и остановилась. Потом говорит:

— Уф, как я испугалась! Это ты тут из пистолета па-лишь?

— Нет,— сказал Сашка и спрятал пистолет за спину.

— Что же, я не вижу, что у тебя пистолет в руках? Ещё врать вздумал, бессовестный! Вот я пойду заявлю в милицию...

Она погрозила пальцем, перешла на другую сторону улицы и скрылась в переулке.

— Вот так штука! — испугался Саша.— Кажется, на самом деле пошла в милицию жаловаться.

Он, запыхавшись, прибежал домой.

— Чего ты запыхался, будто за тобой волк гонится? — спросила Ира.

— Это я так просто.

— Нет, ты уж лучше скажи. Сразу видно, что чего-нибудь натворил.

— Да ничего я не натворил — просто так... Напугал бабку какую-то.

— Какую бабку?

— Ну «какую, какую»! Обыкновенную. Просто шла по улице бабушка, а я взял да и выстрелил из пистолета.

— Зачем же ты выстрелил?

— Сам не знаю. Идёт бабушка. «Дай, думаю, выстрелю».
Ну и выстрелил.

— А она что?

— Ничего. Пошла в милицию жаловаться.

— Вот видишь, обещал вести себя хорошо, а сам что наде-
лал!

— Я же не виноват, что бабка попалась такая пугливая.

— Вот придёт милиционер, он тебе покажет бабку! —
пригрозила Ира. — Будешь знать, как людей пугать!

— А как он меня найдёт? Он ведь не знает, где я живу.
Даже имени моего не знает.

— Найдёт, будь спокоен! Милиционеры всё знают.

Целый час Саша просидел дома и всё выглядывал в окно —
не идёт ли милиционер. Но милиционера не было видно.

Тогда он понемногу успокоился, развеселился и сказал:

— Наверно, бабушка меня просто попугать хотела, чтоб я
не баловался.

Он решил снова пострелять из своего любимого пистолета
и сунул руку в карман. В кармане лежала коробка с пистонами,
но пистолета не было. Он полез в другой карман, но и там было
пусто. Тогда он принялся искать по всей комнате. Смотрел
и под столами и под диваном. Пистолет исчез, будто провалил-
ся сквозь землю.

Саше стало обидно до слёз.

— Не успел даже поиграть! — хныкал он. — Такой писто-
летик был!

— Может быть, ты его во дворе потерял? — спросила Ира.

— Наверно, я его там, за воротами, выронил, — сообразил
Саша.

Он открыл дверь и бросился через двор на улицу. За ворота-
ми пистолета не было.

«Ну, теперь его уже нашёл кто-нибудь и взял себе!» —
с досадой подумал Саша и тут вдруг увидел, что из переулка
напротив вышел милиционер и быстро зашагал через улицу,
прямо к Сашину дому.

«За мной идёт! Видимо, бабка таки нажаловалась!» —
испугался Саша и стремглав побежал домой.

— Ну, нашёл? — спросили его Маринка и Ирочка.

— Тише! — прошипел Сашка. — Милиционер идёт!

- Куда?
- Сюда, к нам.
- Где ты его видел?
- На улице.

Марина и Ира стали над ним смеяться:

— Эх ты, трусишка! Увидел милиционера и испугался. Может быть, милиционер совсем в другое место идёт.

— Да я вовсе и не боюсь его! — стал храбриться Сашка. — Что мне милиционер! Подумаешь!

Тут за дверью послышались шаги, и вдруг зазвонил звонок. Маринка и Ира побежали открывать дверь.

Сашка высунулся в коридор и зашипел:

— Не открывайте ему!

Но Марина уже отворила дверь. На пороге стоял милиционер. Блестящие пуговицы так и сверкали на нём. Сашка опустил на четвереньки и полез под диван.

— Скажите, девочки, где здесь шестая квартира? — слышался голос милиционера.

— Это не здесь, — ответила Ира. — Здесь первая, а шестая — это нужно выйти во двор, а там дверь направо.

— Во дворе, дверь направо? — повторил милиционер.

— Ну да.

Саша понял, что милиционер вовсе не за ним пришёл, и он уже хотел вылезти из-под дивана, но тут милиционер спросил:

— Кстати, не у вас тут живёт мальчик Саша?

— У нас, — ответила Ира.

— А вот он-то мне как раз нужен, — сказал милиционер и вошёл в комнату.

Марина и Ира вошли вместе с милиционером в комнату и увидели, что Сашка куда-то исчез.

Марина даже заглянула под диван.

Сашка увидел её и молча погрозил ей из-под дивана кулаком, чтобы она не выдавала его.

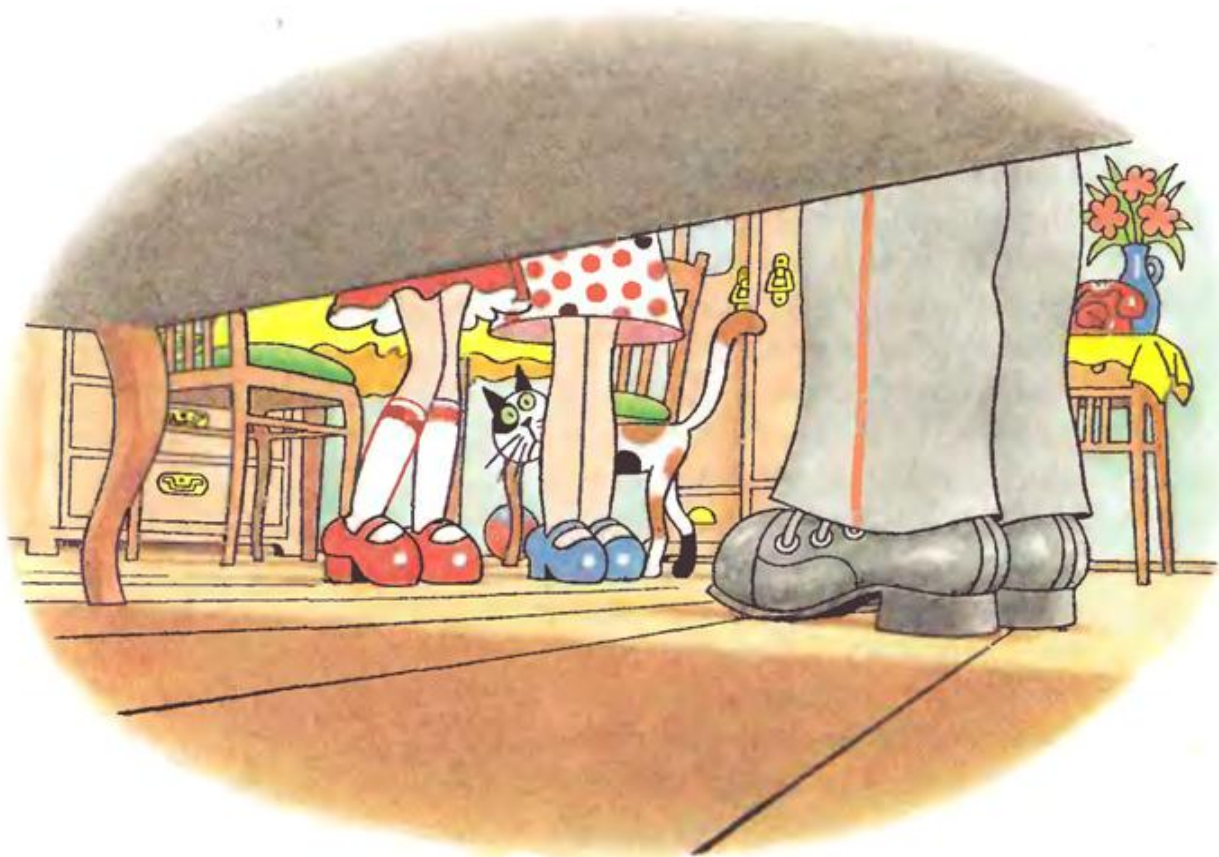
— Ну, где же ваш Саша? — спросил милиционер.

Девочки очень испугались за Сашу и не знали, что отвечать.

Наконец Марина сказала:

— А его, понимаете, дома нет. Он, понимаете, гулять ушёл.

— А что вы про него знаете? — спросила милиционера Ира.

— Что же я знаю! — ответил милиционер. — Знаю, что зовут его Саша. Ещё знаю, что у него был новенький пистолет, а теперь у него этого пистолета нету.

«Всё знает!» — подумал Сашка.

От страха у него даже зачесалось в носу, и он как чихнёт под диваном: «Апчхи!»

— Кто это там? — удивился милиционер.

— А это у нас... Это у нас собака, — соврала Маринка.

— Чего же она под диван забралась?

— А она у нас всегда под диваном спит, — продолжала сочинять Марина.

— Как же её зовут?

— Э... Бобик, — выдумала Маринка и покраснела, как свёкла.

— Бобик! Бобик! Фью! — засвистел милиционер. — Почему же она не хочет вылезать? Фью! Фью! Ишь ты, не хочет. А собака хорошая? Какой породы?

— Э... — протянула Маринка. — Э-э... — Она никак не мог-

ла вспомнить, какие бывают породы собак.— Порода эта вот...— сказала она.— Как её?.. Хорошая порода... Длинношёрстный фокстерьер!

— О, это замечательная собака! — обрадовался милиционер.— Я знаю. У неё такая волосатая морда.

Он нагнулся и посмотрел под диван. Саша лежал ни жив ни мёртв и во все глаза глядел на милиционера. Милиционер даже свистнул от изумления:

— Так вот тут какой фокстерьер! Ты чего под диван забрался, а? Ну-ка, вылезай, теперь всё равно попался!

— Не вылезу! — заревел Саша.

— Почему?

— Вы меня в милицию заберёте.

— За что?

— За старушку.

— За какую старушку?

— За которую я выстрелил, а она испугалась.

— Не пойму, про какую он тут старушку толкует? — сказал милиционер.

— Он на улице из пистолета стрелял, а мимо шла бабушка и испугалась,— объяснила Ира.

— Ах, вот что! Значит, это его пистолет? — спросил милиционер и достал из кармана новенький, блестящий пистолет.

— Его, его! — обрадовалась Ира.— Это мы с Мариной ему подарили, а он потерял. Где вы его нашли?

— Да вот тут, во дворе, у вашей двери... Ну, признавайся, зачем напугал бабушку? — спросил милиционер и нагнулся к Саше.

— Я нечаянно...— ответил Саша из-под дивана.

— Неправда! По глазам вижу, что неправда. Вот скажи правду — отдам пистолет обратно.

— А что мне будет, если я скажу правду?

— Ничего не будет. Отдам пистолет — и всё.

— А в милицию не заберёте?

— Нет.

— Я не хотел напугать бабушку. Я только хотел попробовать, испугается она или нет.

— А вот это, братец, нехорошо! За это тебя следовало бы забрать в милицию, да ничего не поделаешь: раз я обещал не

забирать — значит, должен исполнить. Только смотри, если ещё раз набедокуришь — обязательно заберу. Ну, вылезай из-под дивана и получиай пистолет.

— Нет, я лучше потом вылезу, когда вы уйдёте.

— Вот чудной какой! — усмехнулся милиционер. — Ну, я ухожу.

Он положил пистолет на диван и ушёл. Маринка побежала показать милиционеру шестую квартиру.

Саша вылез из-под дивана, увидел свой пистолет и закричал:

— Вот он, мой голубчик! Снова вернулся ко мне! — Он схватил пистолет и сказал: — Не понимаю только, как это милиционер моё имя узнал!

— Ты ведь сам написал своё имя на пистолете, — сказала Ира.

Тут вернулась Марина и набросилась на Сашу:

— Ах ты, чучело! Из-за тебя мне пришлось милиционеру врать! От стыда я чуть не сгорела! Вот натвори ещё чего-нибудь, ни за что не стану тебя выгораживать!

— А я и не буду больше ничего творить, — сказал Саша. — Сам теперь знаю, что не нужно людей пугать.

НА ГОРКЕ

Целый день ребята трудились — строили снежную горку во дворе. Сгребали лопатами снег и сваливали его под стенку сарая в кучу. Только к обеду горка была готова. Ребята полили её водой и побежали домой обедать.

— Вот пообедаем, — говорили они, — а горка пока замёрзнет. А после обеда мы придём с санками и будем кататься.

А Котька Чижов из шестой квартиры хитрый какой! Он горку не строил. Сидит дома да смотрит в окно, как другие трудятся. Ему ребята кричат, чтоб шёл горку строить, а он только руками за окном разводит да головой мотает, — как будто нельзя ему. А когда ребята ушли, он быстро оделся, нацепил коньки и выскочил во двор. Чирк коньками по снегу, чирк! И кататься-то как следует не умеет! Подъехал к горке.

— О, — говорит, — хорошая горка получилась! Сейчас скачусь.

Только полез на горку — бух носом!

— Ого! — говорит. — Скользящая!

Поднялся и снова — бух! Раз десять падал. Никак на горку взобраться не может.

«Что делать?» — думает.

Думал, думал — и придумал:

«Вот сейчас песочком посыплю и заберусь на неё».

Схватил он фанерку и покатыл к дворницкой. Там — ящик с песком. Он и стал из ящика песок на горку таскать. Посыпает впереди себя, а сам лезет всё выше и выше, взобрался на самый верх.

— Вот теперь, — говорит, — скачусь!

Оттолкнулся ногой и снова — бух носом! Коньки-то по песку не едут! Лежит Котька на животе и говорит:

— Как же теперь по песку кататься?

И полез вниз на четвереньках.

Тут прибежали ребята. Видят — горка песком посыпана.

— Это кто здесь напортил? — закричали они. — Кто горку песком посыпал? Ты не видал, Котька?

— Нет, — говорит Котька, — я не видал. Это я сам посыпал, потому что она была скользкая и я не мог на неё взобраться.

— Ах ты, умник! Ишь что придумал! Мы трудились, трудились, а он — песком! Как же теперь кататься?

Котька говорит:

— Может быть, когда-нибудь снег пойдёт, он засыплет песок, вот и можно будет кататься.

— Так снег, может, через неделю пойдёт, а нам сегодня надо кататься.

— Ну, я не знаю, — говорит Котька.

— Не знаешь! Как испортить горку, ты знаешь, а как починить, не знаешь! Бери сейчас же лопату!

Котька отвязал коньки и взял лопату.

— Засыпай песок снегом!

Котька стал посыпать горку снегом, а ребята снова водой полили.

— Вот теперь, — говорят, — замёрзнет, и можно будет кататься.

А Котьке так работать понравилось, что он ещё сбоку лопатой ступеньки проделал.

— Это, — говорит, — чтоб всем было легко взбираться, а то ещё кто-нибудь снова песком насыплет!

МЕТРО

Мы с мамой и Вовкой были в гостях у тёти Оли в Москве. В первый же день мама и тётя ушли в магазин, а нас с Вовкой оставили дома. Дали нам старый альбом с фотографиями, чтоб мы рассматривали. Ну, мы рассматривали, рассматривали, пока нам это не надоело.

Вовка сказал:

— Мы так и Москву не увидим, если будем целый день дома сидеть.

Стали в окно глядеть. Напротив — станция метро.

Я говорю:

— Пойдём на метро покатаемся.

Пришли мы на станцию, взяли билеты и поехали под землёй. Сначала показалось страшно, а потом ничего, интересно. Проехали две остановки, вылезли.

«Осмотрим, — думаем, — станцию — и назад».

Стали осматривать станцию, а там лестница движется. Люди по ней вверх и вниз едут. Стали и мы кататься: вверх и вниз, вверх и вниз... Ходить совсем не надо: лестница сама возит.

Накатались по лестнице, сели на поезд и поехали обратно.

Слезли через две остановки, смотрим — не наша станция!

— Наверно, мы не в ту сторону поехали, — говорит Вовка.

Сели мы на другой поезд, поехали в обратную сторону.

Приезжаем — опять не наша станция! Тут мы испугались.

Вовка говорит:

— Надо спросить кого-нибудь.

— А как же ты спросишь? Ты знаешь, на какой станции мы садились?

— Нет. А ты?

— Я тоже не знаю.

— Давай ездить по всем станциям, может, отыщем как-нибудь, — говорит Вовка.

Стали мы ездить по станциям. Ездили, ездили, даже голова закружилась.

Вовка стал хныкать:

— Пойдём отсюда!

— Куда ж мы пойдём?

— Всё равно куда! Я наверх хочу.

— А что тебе наверху делать?

— Не хочу под землёй!

И начал реветь.

— Не надо, — говорю, — плакать. В милицию заберут.

— Пусть забирают! Э-э-э!..

— Ну, пойдём, пойдём, — говорю. — Не реви только. Вон милиционер уже смотрит на нас!

Схватил его за руку — и скорей на лестницу. Поехали вверх. «Куда же нас вывезет? — думаю. — Что теперь с нами будет?»

Вдруг смотрим — навстречу нам мама с тётей Олей по другой лестнице едут. Я как закричу:

— Мама!

Они увидели нас и кричат:

— Что вы здесь делаете?

А мы кричим:

— Мы никак выбраться отсюда не можем!

Больше ничего крикнуть не успели: нас лестница вверх утащила, а их вниз. Приехали мы наверх — и скорей по другой лестнице вниз, за ними вдогонку.

Вдруг смотрим — а они снова навстречу едут! Увидели нас и кричат:

— Куда же вы? Почему нас не подождали?

— А мы за вами поехали!

Приезжаем вниз. Я говорю Вовке:

— Подождём. Они сейчас к нам приедут.

Ждали мы, ждали, а их всё нет и нет.

— Наверно, они нас ждут, — говорит Вовка. — Поедем.

Только поехали, а они снова навстречу.

— Мы вас ждали, ждали!.. — кричат.

А вокруг все хохочут.

Приехали мы снова наверх — и опять поскорей вниз. Поймали наконец их.

Мама начала бранить нас за то, что ушли без спросу, а мы стали рассказывать, как потеряли станцию.

Тётя говорит:

— Не понимаю, как это вы потеряли станцию! Я тут каждый день езжу, а ещё ни разу станцию не потеряла. Ну, поедem домой.

Сели мы на поезд. Поехали.

— Эх вы, пошехонцы! — говорит тётя. — Искали рукавицы, а они за поясом. В трёх соснах заблудились. Потеряли станцию!

И вот так всю дорогу смеялась над нами.

Приезжаем на станцию, тётя посмотрела вокруг и говорит:

— Тьфу! Совсем вы меня запутали! Нам на Арбат надо, а мы на Курский вокзал приехали. Не в ту сторону сели.

Пересели мы на другой поезд и поехали обратно. И тётя больше уже не смеялась над нами. И пошехонцами не называла.

ОГУРЦЫ

Один раз Павлик взял с собой Котьку на реку ловить рыбу. Но в этот день им не повезло: рыба совсем не клевала. Зато когда шли обратно, они забрались в колхозный огород и набрали полные карманы огурцов. Колхозный сторож заметил их и засвистел в свисток. Они от него бежать. По дороге домой Павлик подумал, как бы ему дома не досталось за то, что он лазит по чужим огородам. И он отдал свои огурцы Котьке.

Котька пришёл домой радостный:

— Мама, я тебе огурцов принёс!

Мама посмотрела, а у него полные карманы огурцов, и за пазухой огурцы лежат, и в руках ещё два больших огурца.

— Где ты их взял? — говорит мама.

— На огороде.

— На каком огороде?

— Там, у реки, на колхозном.

— Кто ж тебе позволил?

— Никто, я сам нарвал.

— Значит, украл?

— Нет, не украл, а так просто... Павлик брал, а мне нельзя, что ли? Ну, и я взял.

Котька начал вынимать огурцы из карманов.

— Постой, постой! Не выгружай! — говорит мама.

— Почему?

— Сейчас же неси их обратно!

— Куда ж я их понесу? Они на грядке росли, а я сорвал. Всё равно они теперь уже расти не будут.

— Ничего, отнесёшь и положишь на той же грядке, где сорвал.

— Ну, я их выброшу.

— Нет, не выбросишь! Ты их не сажал, не растил, не имеешь права и выбрасывать.

Котька стал плакать:

— Там сторож. Он нам свистел, а мы убежали.

— Вот видишь, что делаете! А если б он поймал вас?

— Он не догнал бы. Он уже старенький дедушка.

— Ну как тебе не стыдно! — говорит мама. — Ведь дедушка за эти огурцы отвечает. Узнают, что огурцы пропали, скажут, что дедушка виноват. Хорошо будет?

Мама стала совать огурцы обратно Котьке в карман. Котька плакал и кричал:

— Не пойду я! У дедушки ружьё. Он выстрелит и убьёт меня.

— И пусть убьёт! Пусть лучше у меня совсем не будет сына, чем будет сын вор.

— Ну, пойдём со мной, мамочка! На дворе темно. Я боюсь.

— А брать не боялся?

Мама дала Котьке в руки два огурца, которые не поместились в карманах, и вывела его за дверь.

— Или носи огурцы, или совсем уходи из дому, ты мне не сын!

Котька повернулся и медленно-медленно пошёл по улице. Уже было совсем темно.

«Брошу их тут, в канаву, а скажу, что отнёс, — решил Котька и стал оглядываться вокруг. — Нет, отнесу: ещё кто-нибудь увидит и дедушке из-за меня попадёт».

Он шёл по улице и плакал. Ему было страшно.

«Павлику хорошо! — думал Котька. — Он мне свои огурцы отдал, а сам дома сидит. Ему небось не страшно».

Вышел Котька из деревни и пошёл полем. Вокруг не было ни души. От страха он не помнил, как добрался до огорода. Остановился возле шалаша, стоит и плачет всё громче и громче. Сторож услышал и подошёл к нему.

— Ты чего плачешь? — спрашивает.

— Дедушка, я принёс огурцы обратно.

— Какие огурцы?

— А которые мы с Павликом нарвали. Мама сказала, чтоб я отнёс обратно.

— Вот оно какое дело! — удивился сторож. — Это, значит, я вам свистел, а вы всё-таки огурцы-то стащили. Нехорошо!

— Павлик брал, и я взял. Он мне и свои огурцы отдал.

— А ты на Павлика не смотри, сам понимать должен. Ну, больше не делай так. Давай огурцы и иди домой.

Котька вытащил огурцы и положил их на грядку.

— Ну, все, что ли? — спросил старик.

— Нет... одного не хватает, — ответил Котька и снова заплакал.

— Почему не хватает, где же он?

— Дедушка, я один огурец съел. Что теперь будет?

— Ну что ж будет? Ничего не будет. Съел, ну и съел. На здоровье.

— А вам, дедушка, ничего не будет за то, что огурец пропал?

— Ишь ты какое дело! — усмехнулся дедушка. — Нет, за один огурец ничего не будет. Вот если б ты не принёс остальных, тогда да, а так нет.

Котька побежал домой. Потом вдруг остановился и закричал издали:

— Дедушка, дедушка!

— Ну что ещё?

— А этот вот огурец, что я съел, как будет считаться — украл я его или нет?

— Гм! — сказал дед. — Вот ещё какая задача! Ну чего там, пусть не украл.

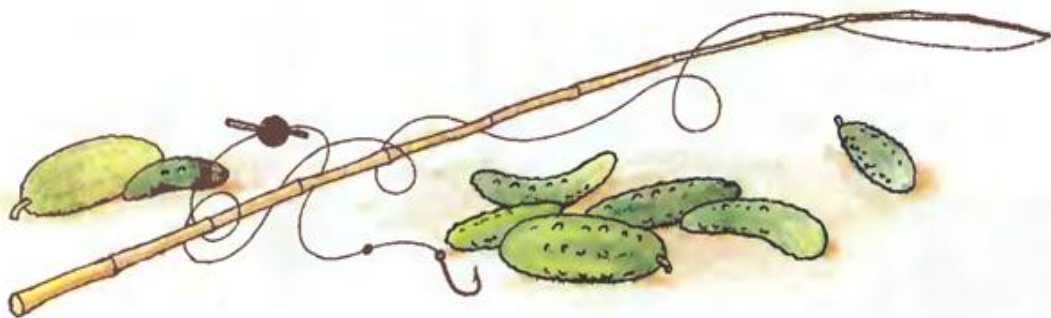
— А как же?

— Ну, считай, что я тебе подарил его.

— Спасибо, дедушка! Я пойду.

— Иди, иди, сынок.

Котька во весь дух помчался по полю, через овраг, по мостику через ручей и, уже не спеша, пошёл по деревне домой. На душе у него было радостно.

Ступеньки

Однажды Петя возвращался из детского сада. В этот день он научился считать до десяти. Дошёл он до своего дома, а его младшая сестра Валя уже дожидается у ворот.

— А я уже считать умею! — похвастался Петя. — В детском саду научился. Вот смотри, как я сейчас все ступеньки на лестнице сосчитаю.

Стали они подниматься по лестнице, а Петя громко ступеньки считает:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Ну, чего ж ты остановился? — спрашивает Валя.

— погоди, я забыл, какая дальше ступенька. Я сейчас вспомню.

— Ну вспоминай, — говорит Валя.

Стояли они на лестнице, стояли. Петя говорит:

— Нет, я так не могу вспомнить. Ну-ка, лучше начнём сначала.

Сошли они с лестницы вниз. Стали снова вверх подниматься.

— Одна, — говорит Петя, — две, три, четыре, пять...

И снова остановился.

— Опять забыл? — спрашивает Валя.

— Забыл! Как же это! Только что помнил и вдруг забыл! Ну-ка, ещё попробуем.

Снова спустились с лестницы, и Петя начал сначала:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Может быть, двадцать пять? — спрашивает Валя.

— Да нет! Только думать мешаешь! Вот видишь, из-за тебя забыл! Придётся опять сначала.

— Не хочу я сначала! — говорит Валя. — Что это такое? То вверх, то вниз, то вверх, то вниз! У меня уже ноги болят.

— Не хочешь — не надо, — ответил Петя. — А я не пойду дальше, пока не вспомню.

Валя пошла домой и говорит маме:

— Мама, там Петя на лестнице ступеньки считает: одна, две, три, четыре, пять, а дальше не помнит.

— А дальше шесть, — сказала мама.

Валя побежала обратно к лестнице, а Петя всё ступеньки считает.

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Шесть! — шепчет Валя. — Шесть! Шесть!

— Шесть! — обрадовался Петя и пошёл дальше. — Семь, восемь, девять, десять.

Хорошо, что лестница кончилась, а то бы он так и не дошёл до дому, потому что научился только до десяти считать.

ШУРИК У ДЕДУШКИ

Летом мы с Шуриком жили у дедушки. Шурик — это мой младший брат. Он ещё в школе не учится, а я уже в первый класс поступил. Только он всё равно меня не слушается... Ну и не надо!.. Когда мы приехали, так сейчас же обыскали весь двор, облазили все сараи и чердаки. Я нашёл стеклянную банку из-под варенья и круглую железную коробочку от гуталина. А Шурик нашёл старую дверную ручку и большую калошу на правую ногу. Потом мы чуть не подрались с ним на чердаке из-за удочки. Я первый увидел удочку и сказал:

— Чур, моя!

Шурик тоже увидел и давай кричать:

— Чур, моя! Чур, моя!

Я схватил удочку, а он тоже вцепился в неё и давай отнимать. Я рассердился — как дёрну!.. Он отлетел в сторону и чуть не упал. Потом говорит:

— Подумаешь, очень нужна мне твоя удочка! У меня есть калоша.

— Вот и целуйся со своей калошей, — говорю я, — а удочку нечего рвать из рук.

Я отыскал в сарае лопату и пошёл копать червей, чтобы ловить рыбу, а Шурик пошёл к бабушке и стал просить у неё спички.

— Зачем тебе спички? — спрашивает бабушка.

— Я, — говорит, — разведу во дворе костёр, сверху положу калошу, калоша расплавится, и из неё получится резина.

— Ещё чего выдумаешь! — замахала руками бабушка. — Ты тут и дом весь спалишь со своим баловством. Нет, голубчик, и не проси. Что это ещё за игрушка с огнём! И слушать ничего не желаю.

Тогда Шурик взял дверную ручку, которую нашёл в сарае, привязал к ней верёвку, а к другому концу верёвки привязал калошу. Ходит по двору, верёвку за ручку держит, а калоша за ним по земле ездит. Куда он — туда и она. Подошёл ко мне, увидел, что я червей копаю, и говорит:

— Можешь не стараться: всё равно ничего не поймаешь.

— Это почему? — спрашиваю.

— Я заколдую рыбу.

— Пожалуйста, — говорю, — колдуй на здоровье.

Я накопал червей, сложил их в коробочку и пошёл к пруду. Пруд был позади двора — там, где колхозный огород начинается. Насадил я на крючок червяка, уселся на берегу и забросил удочку. Сижу и за поплавком слежу. А Шурик подкрался сзади и давай кричать во всё горло:

Колдуй, баба, колдуй, дед,
Колдуй, серенький медведь!
Колдуй, баба, колдуй, дед,
Колдуй, серенький медведь!

Я решил молчать и ничего не говорить, потому что с ним всегда так: если скажешь что-нибудь, ещё хуже будет.

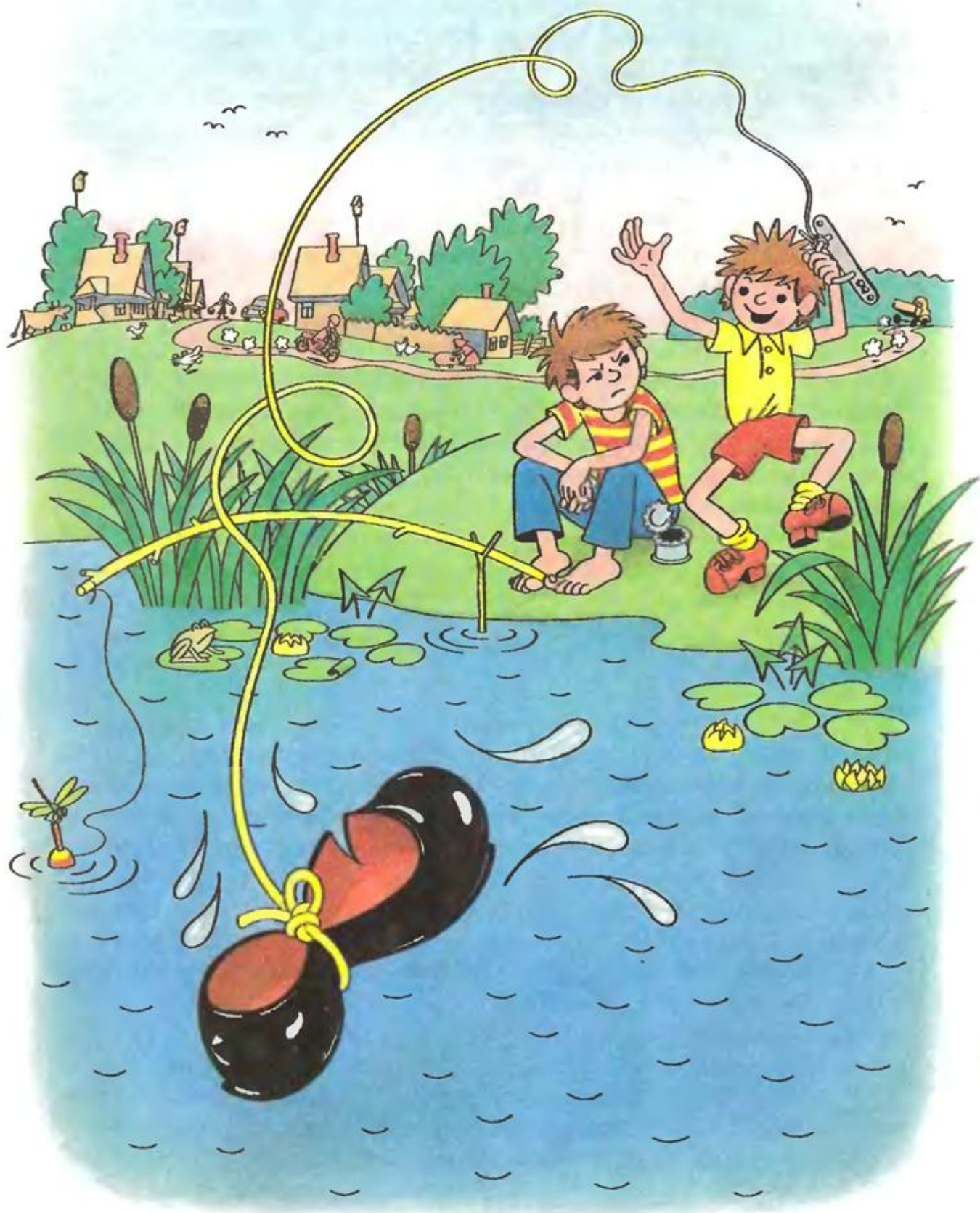
Наконец он наколдовался, бросил в пруд калошу и стал её по воде на верёвке таскать. Потом придумал такую вещь: бросит калошу на середину пруда и давай в неё камнями швырять, пока не утопит, а потом начинает её со дна на верёвке вытаскивать. Я сначала молча терпел, а потом как не вытерплю:

— Пошёл вон отсюда! — кричу. — Ты распугал мне всю рыбу!

А он говорит:

— Всё равно ничего не поймаешь: заколдована рыба.

И опять плюх калошу на середину пруда! Я вскочил, схватил палку — и к нему. Он давай удирать, а калоша за ним на верёвке так и скачет. Еле убежал от меня.

Вернулся я к пруду и стал снова рыбу ловить. Ловил, ловил... Уже солнышко высоко поднялось, а я всё сижу да на поплавок гляжу. Не клюёт рыба, хоть тресни! На Шурика злюсь, прямо избить готов. Не то чтоб я в его колдовство поверил, а знаю, что, если приду без рыбы, смеяться будет. Уж чего я не делал: и подальше от берега забрасывал удочку, и поближе, и поглубже крючок опускал — ничего не выходит. Захотелось мне есть, пошёл я домой, вдруг слышу — кто-то в ворота колотит: бум-бум! Бах-бах!

Подхожу к воротам, смотрю, а это Шурик. Достал где-то молоток, гвозди и прибывает к калитке дверную ручку.

— Это ты для чего прибываешь? — спрашиваю.

Он увидел меня, обрадовался:

— Хи-хи! Рыболов пришёл. Где же твоя рыба?

Я говорю:

— Ты зачем прибываешь ручку? Здесь же есть одна ручка.

— Ничего,— говорит,— пусть две будут. Вдруг одна оторвётся.

Прибил ручку, и ещё у него один гвоздь остался. Он долго думал, что с этим гвоздём делать, хотел его просто в калитку загнать, потом придумал: приложил калошу подошвой к калитке и стал её гвоздём приколачивать.

— А это для чего? — спрашиваю.

— Так просто.

— Просто глупо,— говорю я.

Вдруг смотрим — бабушка с работы идёт. Шурик испугался, давай отрывать калошу, а она не отрывается. Тогда он встал, загородил калошу спиной и стоит.

Бабушка подошёл и говорит:

— Вот молодцы, ребятки! Только приехали — и за работу сразу... Кто это придумал к калитке вторую ручку прибить?

— Это,— говорю,— Шурик.

Бабушка только крикнул.

— Ну что ж,— говорит,— теперь у нас две ручки будет: одна сверху, другая снизу. Вдруг какой-нибудь коротенький человек придёт. До верхней ручки ему не дотянуться, так он до нижней достанет.

Тут дедушка заметил калошу:

— А это ещё что?

Я так и фыркнул. «Ну,— думаю,— сейчас Шурику от дедушки будет». Шурик покраснел, сам не знает, что отвечать.

А дедушка говорит:

— Это что ж? Это, наверно, всё равно что ящик для писем. Придёт почтальон, увидит, что дома никого нет, сунет письмо в калошу и пойдёт дальше. Очень остроумно.

— Это я сам придумал! — похвастался Шурик.

— Да неужто?

— Честное слово!

— Ну молодец! — развёл руками дедушка.

За обедом дедушка всё разводил руками и рассказывал бабушке про эту калошу:

— Понимаешь, какой остроумный ребёнок! До чего сам додумался, ты не согласишься даже! Понимаешь, калошу к калитке, а? Я давно говорю, что надо ящик для писем прибить, а того и не сообразить мне, что проще калошу.

— Ладно уж,— усмехнулась бабушка.— Я куплю ящик, а пока пусть повисит калоша.

После обеда Шурик побежал в сад, а дедушка говорит:

— Ну, Шурик у нас уже отличился, а ты, Николка, тоже небось чего-нибудь наработал. Ты уж признавайся, порадуешь дедушку.

— Я,— говорю,— ловил рыбу, да рыба не ловится.

— А ты где ловил?

— В пруду.

— Э...— протянул дедушка,— какая же тут рыба? Этот пруд недавно вырыли. Тут даже лягушки ещё не развелись. А ты, голубчик, не ленись, пойдёшь на речку. Там у мостика течение быстрое. На этой быстринке и полови.

Дедушка ушёл на работу, а я взял удочку и говорю Шурику:

— Пойдём на реку, будем вместе рыбу ловить.

— Ага,— говорит,— испугался! Теперь подлизываешься!

— Зачем мне подлизываться?

— А чтоб я не колдовал больше.

— Колдуй,— говорю,— пожалуйста.

Взял я коробку с червями, банку из-под варенья, чтоб было куда рыбу сажать, и пошёл. А Шурик сзади поплёлся.

Пришли на реку. Я пристроился на берегу, недалеко от моста, где течение побыстрей, забросил удочку.

А Шурик толчётся возле меня и всё бормочет:

Колдуй, баба, колдуй, дед,
Колдуй, серенький медведь!

Помолчит чуточку, помолчит, а потом снова:

Колдуй, баба, колдуй, дед...

Вдруг рыба как клюнет, я как дёрну удочку! Рыба сверкнула в воздухе, сорвалась с крючка, упала на берег и ну плясать возле самой воды.

Шурик как крикнет:

— Держи её!

Бросился к рыбе и давай ловить. Рыба по берегу скачет, а он прямо животом на неё бросается, никак поймать не может; чуть она не удрала обратно в реку. Наконец он её схватил. Я набрал в банку воды, Шурик пустил в неё рыбу и стал разглядывать.

— Это, — говорит, — окунь. Честное слово, окунь! Видишь, какие у него полоски. Чур, мой будет!

— Ладно, пусть будет твой. Мы ещё много наловим.

В этот день мы долго удили. Поймали шесть окуньков, четырёх пескарей и даже ёршика одного выудили.

На обратном пути Шурик нёс банку с рыбой и даже подержать не давал мне. Он был очень рад и совсем не обиделся, когда увидел, что его калоша исчезла, а вместо неё на калитке висит новенький голубой ящик для писем.

— Ну и пусть, — сказал он. — По-моему, ящик ещё даже лучше калоши.

Он махнул рукой и поскорей побежал показывать рыбу бабушке. Бабушка похвалила нас. А потом я ему сказал:

— Вот видишь, а ты колдовал! Ничего твоё колдовство не значит. Я в колдовство не верю.

— У! — сказал Шурик. — А я, думаешь, верю! Это одни только дикари верят да старенькие старушки.

Этим он очень насмешил бабушку, потому что бабушка хоть и была старенькая, но тоже не верила в колдовство.

ЛЕДЕНЕЦ

Мама уходила из дому и сказала Мише:

— Я ухожу, Мишенька, а ты веди себя хорошо. Не шали без меня и ничего не трогай. За это подарю тебе большой красный леденец.

Мама ушла. Миша сначала вёл себя хорошо: не шалил и ничего не трогал. Потом он только подставил к буфету стул, залез на него и открыл у буфета дверцы. Стоит и смотрит в буфет, а сам думает:

«Я ведь ничего не трогаю, только смотрю».

А в буфете стояла сахарница. Он взял её и поставил на стол.

«Я только посмотрю, а ничего трогать не буду», — думает.

Открыл крышку, видит — там что-то красное сверху.

— Э,— говорит Миша,— да это ведь леденец! Наверно, как раз тот самый, который мне обещала мама.

Он запустил в сахарницу руку и вытащил леденец.

— Ого,— говорит,— большущий! И сладкий, должно быть.

Миша лизнул его и думает:

«Пососу немножко и положу обратно».

И стал сосать. Пососёт, пососёт и посмотрит, много ли ещё осталось. И всё ему кажется — много. Наконец леденец стал совсем маленький, со спичку. Тогда Мишенька положил его обратно в сахарницу. Стоит, пальцы облизывает, смотрит на леденец, а сам думает:

«Съем я его совсем. Всё равно мне мама отдаст. Ведь я хорошо себя веду, не шалю и ничего такого не делаю».

Миша достал леденец, сунул в рот, а сахарницу хотел на место поставить. Взял её, а она прилипла к рукам — и бух на пол. Разбилась на две половинки. Сахар рассыпался.

Мишенька испугался:

«Что теперь мама скажет?»

Взял он две половинки и прислонил друг к дружке. Они ничего, держатся. Даже незаметно, что сахарница разбита. Он сложил сахар обратно, накрыл крышкой и осторожно поставил в буфет.

Наконец мама приходит:

— Ну, как ты себя вёл?

— Хорошо.

— Вот умница! Получай леденец.

Мама открыла буфет, взяла сахарницу... Ах!.. Сахарница развалилась, сахар посыпался на пол.

— Что ж это такое? Кто сахарницу разбил?

— Это не я. Это она сама...

— Ах, сама разбилась! Ну, это понятно. А леденец-то куда девался?

— Леденец... Леденец... Я его съел. Я себя вёл хорошо, ну и съел его. Вот...

КАРАСИК

Мама недавно подарила Виталику аквариум с рыбкой. Очень хорошая была рыбка, красивая! Серебристый карасик — вот как она называлась. Виталик был рад, что у него есть карасик. Первое время он очень интересовался рыбкой — кормил её, менял воду в аквариуме, а потом привык к ней и иногда даже забывал её вовремя покормить.

А ещё у Виталика был котёнок Мурзик. Он был серый, пушистый, а глаза у него были большие зелёные. Мурзик очень любил смотреть на рыбку. По целым часам он сидел возле аквариума и не сводил глаз с карасика.

— Ты смотри за Мурзиком, — говорила Виталику мама. — Как бы он не съел твоего карася.

— Не съест, — отвечал Виталик. — Я буду смотреть.

Однажды, когда мамы не было дома, к Виталику пришёл его друг Серёжа. Он увидел в аквариуме рыбку и сказал:

— Давай меняться. Ты дай мне карасика, а я, если хочешь, дам тебе свой свисток.

— Зачем мне свисток? — сказал Виталик. — По-моему, рыбка лучше свистка.

— Чем же она лучше? Свисток свистеть может. А рыбка что? Разве может рыбка свистеть?

— Зачем же рыбке свистеть? — ответил Виталик. — Рыбка свистеть не может, зато она плавает. А свисток разве может плавать?

— Сказал! — засмеялся Серёжа. — Где это видано, чтобы свистки плавали! Зато рыбку может кот съесть, вот и не будет у тебя ни свистка, ни рыбки. А свисток кот не съест — он железный.

— Мне мама не позволяет меняться. Она говорит, что сама купит, если мне что-нибудь надо, — сказал Виталик.

— Где же она купит такой свисток? — ответил Серёжа. — Такие свистки не продаются. Это настоящий милиционерский свисток. Я как выйду во двор да как засвищу, сразу все подумают, что милиционер пришёл.

Серёжа вынул из кармана свисток да как засвистит в него.

— А ну, дай я, — попросил Виталик.

Он взял свисток и подул в него. Свисток звонко, переливчато засвистел. Виталику очень понравилось, как он свистит. Ему захотелось иметь свисток, но он не мог сразу решиться и сказал:

— А где у тебя будет жить рыбка? У тебя ведь аквариума нет.

— А я посажу её в банку из-под варенья. У нас большая банка есть.

— Ну ладно, — согласился Виталик.

Ребята принялись ловить рыбку в аквариуме, но карась плывал быстро и не давался в руки. Они набрызгали вокруг водой, а Серёжа измочил рукава до самых локтей. Наконец ему удалось схватить карасика.

— Есть! — закричал он. — Давай сюда какую-нибудь кружку с водой! Я посажу туда рыбку.

Виталик поскорей налил в кружку воды. Серёжа посадил карася в кружку. Ребята пошли к Серёже — сажать рыбку в банку. Банка оказалась не очень большая, и карасику в ней было не так просторно, как в аквариуме. Ребята долго смотрели, как карасик плавает в банке. Серёжа радовался, а Виталику было жалко, что теперь у него не будет рыбки, а главное, он боялся признаться маме, что променял карасика на свисток.

«Ну ничего, может быть, мама и не заметит сразу, что рыбка пропала», — подумал Виталик и пошёл домой.

Когда он вернулся, мама уже была дома.

— Где же твоя рыбка? — спросила она.

Виталик растерялся и не знал, что сказать.

— Может быть, её Мурзик съел? — спросила мама.

— Не знаю, — пробормотал Виталик.

— Вот видишь, — сказала мама. — Он выбрал-таки время, когда дома никого не было, и выловил из аквариума рыбку! Где он, разбойник? Ну-ка, найди мне его сейчас!

— Мурзик! Мурзик! — стал звать Виталик, но кота нигде не было.

— Наверно, в форточку убежал, — сказала мама. — Пойди-ка во двор, позови его.

Виталик надел пальто и вышел во двор.

«Вот как нехорошо получилось! — думал он. — Теперь Мурзику из-за меня достанется».

Он хотел вернуться домой и сказать, что Мурзика во дворе нет, но тут Мурзик выскочил из отдушины, которая была под домом, и быстро побежал к двери.

— Мурзинька, не ходи домой, — сказал Виталик. — Тебе попадёт от мамы.

Мурзик замурлыкал, принялся тереться спинкой об ноги Виталика, потом поглядел на закрытую дверь и потихоньку мяукнул.

— Не понимаешь, глупый, — сказал Виталик. — Тебе ведь человеческим языком говорят, что нельзя домой.

Но Мурзик, конечно, ничего не понимал. Он ласкался к Виталику, тёрся об него боками и потихоньку бодал его головой, будто торопил поскорей открыть дверь. Виталик стал отталкивать его от двери, но Мурзик не хотел уходить. Тогда Виталик спрятался от него за дверь.

«Мяу!» — закричал Мурзик под дверью.

Виталик поскорей вышел обратно:

— Тише! Кричит тут! Вот мама услышит, тогда узнаешь!

Он схватил Мурзика и принялся запихивать его обратно в отдушину под домом, из которой Мурзик только что вылез. Мурзик упирался всеми четырьмя лапами и не хотел лезть в отдушину.

— Лезь, глупый! — уговаривал его Виталик. — Посиди там пока.

Наконец он его целиком запихал в отдушину. Только хвост Мурзика остался торчать снаружи. Некоторое время Мурзик сердито вертел хвостом, потом и хвост скрылся в отдушине. Виталик обрадовался. Он думал, что котёнок останется теперь сидеть в подвале, но тут Мурзик снова выглянул из дыры.

— Ну, куда же ты лезешь, глупая голова! — зашипел Ви-

талик и загородил выход руками.— Говорят же тебе: нельзя домой идти.

«Мяу!» — закричал Мурзик.

— Вот тебе и «мяу»! — передразнил его Виталик.— Ну что мне теперь делать с тобой?

Он стал оглядываться вокруг и искать, чем бы закрыть дыру. Рядом лежал кирпич. Виталик поднял его и закрыл дыру кирпичом.

— Вот теперь не вылезешь,— сказал он.— Посиди там, в подвале, а завтра мама забудет про рыбку, и я тебя тогда выпущу.

Виталик вернулся домой и сказал, что Мурзика во дворе нет.

— Ничего,— сказала мама,— вернётся. Я всё равно не прощу ему этого.

За обедом Виталик сидел грустный и даже не хотел ничего есть.

«Я вот обедаю,— думал он,— а Мурзик бедный в подвале сидит».

Когда мама вышла из-за стола, он незаметно сунул в карман котлету и пошёл во двор. Там он отодвинул кирпич, которым была закрыта отдушина, и потихоньку позвал:

— Мурзик! Мурзик!

Но Мурзик не отзывался. Виталик нагнулся и заглянул в дыру. В подвале было темно и ничего не было видно.

— Мурзик! Мурзинька! — звал Виталик.— Я тебе котлету принёс!

Мурзик не вылезал.

— Не хочешь — ну и сиди, глупая голова! — сказал Виталик и вернулся домой.

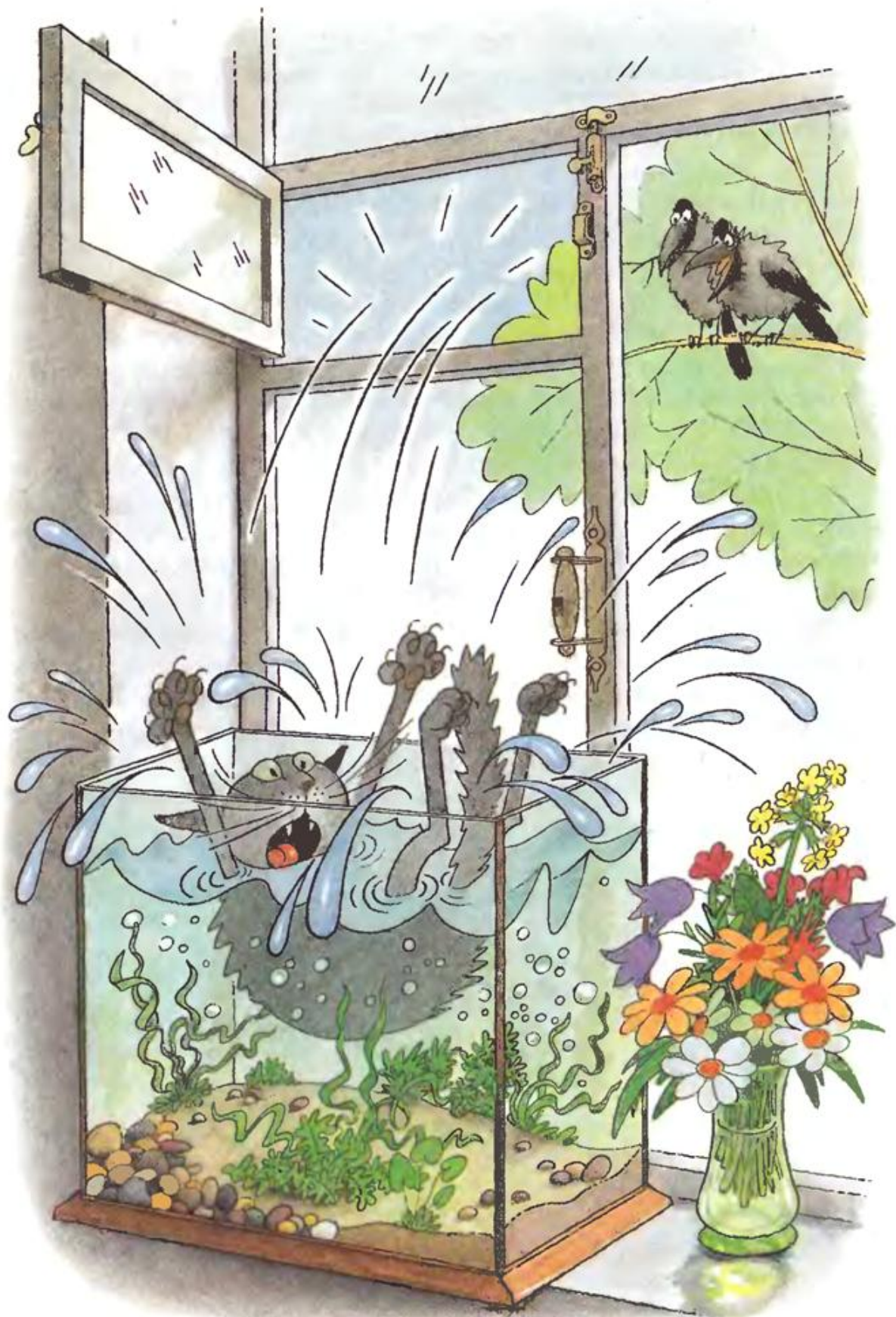
Дома без Мурзика ему было скучно. На душе было как-то нехорошо, потому что он обманул маму. Мама заметила, что он грустный, и сказала:

— Не горюй! Я тебе другую рыбку куплю.

— Не надо,— сказал Виталик.

Он уже хотел признаться маме во всём, но у него не хватило смелости, и он ничего не сказал. Тут за окном послышался шорох и раздался крик:

«Мяу!»

Виталик посмотрел в окно и увидел снаружи на подоконнике Мурзика. Видно, он вылез из подвала через другую дырку.

— А! Пришёл наконец, разбойник! — сказала мама. — Иди-ка сюда, иди!

Мурзик прыгнул в открытую форточку и очутился в комнате. Мама хотела схватить его, но он, видно, догадался, что его хотят наказать, и шмыгнул под стол.

— Ишь ты, хитрец какой! — сказала мама. — Чувствует, что виноват. Ну-ка, поймай его.

Виталик полез под стол. Мурзик увидел его и юркнул под диван. Виталик был рад, что Мурзик удрал от него. Он полез под диван и нарочно старался шуметь, чтобы Мурзик услышал и успел убежать.

Мурзик выскочил из-под дивана. Виталик погнался за ним и принялся бегать по всей комнате.

— Что ты такой шум поднял? Разве его так поймаешь! — сказала мама.

Тут Мурзик прыгнул на подоконник, где стоял аквариум, и хотел выскочить обратно, в форточку, но сорвался и с размаху как плюхнется в аквариум! Вода так и брызнула в разные стороны. Мурзик выскочил из аквариума и давай отряхиваться. Тут мама и схватила его за шиворот:

— Вот я тебя проучу как следует!

— Мамочка, миленькая, не бей Мурзика! — заплакал Виталик.

— Нечего его жалеть, — сказала мама. — Он ведь не пожалел рыбку!

— Мамочка, он не виноват!

— Как же «не виноват»? А кто карася съел?

— Это не он.

— А кто же?

— Это я...

— Ты съел? — удивилась мама.

— Нет, я не съел. Я его на свисток променял.

— На какой свисток?

— Вот на этот.

Виталик вынул из кармана свисток и показал маме.

— Как же тебе не стыдно? — сказала мама.

— Я нечаянно. Серёжа сказал: «Давай меняться», я и поменялся.

— Я не о том говорю! Я говорю, почему ты не сказал правду? Я ведь на Мурзика подумала. Разве честно на других сваливать?

— Я боялся, что ты станешь бранить меня.

— Это только трусы боятся говорить правду! Хорошо было бы, если б я наказала Мурзика?

— Я больше не буду.

— Ну смотри! Только потому прощаю, что ты всё-таки сам признался,— сказала мама.

Виталик взял Мурзика и понёс к батарее сушиться. Он посадил его на скамеечке и сел рядом с ним. Мокрая шерсть на Мурзике торчала в разные стороны, как иголки у ёжика, и от этого Мурзик казался таким худым-худым, будто целую неделю совсем ничего не ел. Виталик вынул из кармана котлету и положил перед Мурзиком. Мурзик съел котлету, потом забрался на колени к Виталику, свернулся калачиком и замурлыкал свою песенку.

ЗАТЕЙНИКИ

Мы с Вале́й зате́йники. Мы всегда зате́ваем какие-нибудь игры.

Один раз мы читали сказку «Три поро́сёнка». А потом стали играть. Сначала мы бегали по комнате, прыгали и кричали:

— Нам не страшен серый волк!

Потом мама ушла в магазин, а Валя сказала:

— Давай, Петя, сделаем себе доми́к, как у тех поросят, что в сказке.

Мы ста́щили с кровати одеяло и завесили им стол. Вот и получился дом. Мы залезли в него, а там темно-темно!

Валя говорит:

— Вот и хорошо, что у нас свой дом! Мы всегда будем здесь жить и никого к себе не пустим, а если серый волк придёт, мы его прогоним.

Я говорю:

— Жалко, что у нас в домике нет окон, очень темно!

— Ничего, — говорит Валя. — У поросят ведь домики бывают без окон.

Я спрашиваю:

— А ты меня видишь?

— Нет. А ты меня?

— И я, — говорю, — нет. Я даже себя не вижу.

Вдруг меня кто-то как схватит за ногу! Я как закричу! Выскочил из-под стола, а Валя за мной.

— Чего ты? — спрашивает.

— Меня, — говорю, — кто-то схватил за ногу. Может быть, серый волк?

Валя испугалась и бегом из комнаты. Я — за ней.

Выбежали в коридор и дверь захлопнули.

— Давай, — говорю, — дверь держать, чтобы он не открыл.

Держали мы дверь, держали.

Валя и говорит:

— Может быть, там никого нет?

Я говорю:

— А кто же тогда меня за ногу трогал?

— Это я,— говорит Валя,— я хотела узнать, где ты.

— Чего же ты раньше не сказала?

— Я,— говорит,— испугалась. Ты меня испугал.

Открыли мы дверь. В комнате никого нет. А к столу подойти всё-таки боимся: вдруг из-под него серый волк вылезет!

Я говорю:

— Пойди сними одеяло.

А Валя говорит:

— Нет, ты пойдди!

Я говорю:

— Там же никого нет.

— А может быть, есть!

Я подкрался на цыпочках к столу, дёрнул за край одеяла и бегом к двери. Одеяло упало, а под столом никого нет. Мы обрадовались. Хотели починить домик, только Валя говорит:

— Вдруг опять кто-нибудь за ногу схватит!

Так и не стали больше в «три поросёнка» играть.

З а п л а т к а

У Бобки были замечательные штаны: зелёные, вернее сказать, защитного цвета. Бобка их очень любил и всегда хвастался:

— Смотрите, ребята, какие у меня штаны. Солдатские!

Все ребята, конечно, завидовали. Ни у кого больше таких зелёных штанов не было.

Однажды Бобка полез через забор, зацепился за гвоздь и порвал эти замечательные штаны. От досады он чуть не заплакал, пошёл поскорее домой и стал просить маму зашить.

Мама рассердилась:

— Ты будешь по заборам лазить, штаны рвать, а я зашивать должна?

— Я больше не буду! Зашей, мама!

— Сам зашей.

— Так я ведь не умею!

— Сумел порвать, сумей и зашить.

— Ну, я так буду ходить, — проворчал Бобка и пошёл во двор.

Ребята увидели, что у него на штанах дырка, и стали смеяться.

— Какой же ты солдат, — говорят, — если у тебя штаны порваны?

А Бобка оправдывается:

— Я просил маму зашить, а она не хочет.

— Разве солдатам мамы штаны зашивают? — говорят ребята. — Солдат сам должен уметь всё делать: и заплатку поставить и пуговицу пришить.

Бобке стало стыдно.

Пошёл он домой, попросил у мамы иголку, нитку и лоску-

ток зелёной материи. Из материи он вырезал заплатку величиной с огурец и начал пришивать её к штанам.

Дело это было нелёгкое. К тому же Бобка очень спешил и колол себе пальцы иголкой.

— Чего ты колешься? Ах ты, противная! — говорил Бобка иголке и старался схватить её за самый кончик, так, чтоб не уколоться.

Наконец заплатка была пришита. Она торчала на штанах, словно сушёный гриб, а материя вокруг сморщилась так, что одна штанина даже стала короче.

— Ну, куда же это годится? — ворчал Бобка, разглядывая штаны. — Ещё хуже, чем было! Придётся наново перешивать.

Он взял ножик и отпорол заплатку. Потом расправил её, приложил снова к штанам, хорошенько обвёл вокруг заплатки чернильным карандашом и стал пришивать её снова. Теперь он шил не спеша, аккуратно и всё время следил, чтобы заплатка не вылезала за черту.

Он долго возился, сопел и кряхтел, зато, когда всё сделал, на заплатку было любо взглянуть. Она была пришита ровно, гладко и так крепко, что не отодрать и зубами.

Наконец Бобка надел штаны и вышел во двор. Ребята окружили его.

— Вот молодец! — говорили они. — А заплатка, смотрите, карандашом обведена. Сразу видно, что сам пришивал.

А Бобка вертелся во все стороны, чтобы всем было видно, и говорил:

— Эх, мне бы ещё пуговицы научиться пришивать, да жаль, ни одна не оторвалась! Ну ничего. Когда-нибудь оторвётся — обязательно сам пришью.

Шя ПОМОЩЮ

Жила маленькая девочка по имени Ниночка.

Ей было всего пять лет. У неё были папа, мама и старенькая бабушка, которую Ниночка называла бабулей.

Ниночкина мама уходила каждый день на работу, а с Ниночкой оставалась бабуля. Она учила Ниночку и одеваться, и умываться, и пуговицы застёгивать на лифчике, и башмаки зашнуровывать, и заплетать косы, и даже буквы писать.

С бабулей Ниночка проводила весь день, а с мамой только утро и вечер.

А вот папу Ниночка видела очень редко, так как он работал в далёкой Арктике. Он был полярный лётчик и домой приезжал, только когда был отпуск.

Раз в неделю, а иногда и чаще от Ниночкиного папы приходило письмо. Когда мама возвращалась с работы, она читала письмо вслух, а Ниночка и бабуля слушали. А потом все вместе писали папе ответ. На другой день мама уходила на работу, а бабуля с Ниночкой относили письмо на почту.

Один раз бабуля с Ниночкой пошли на почту, чтоб отправить папе письмо. Погода была хорошая, солнечная. На Ниночке было красивое голубое платьице и белый передник с вышитым на нём красным зайчиком. Возвращаясь с почты, бабуля пошла с Ниночкой проходными дворами, через пустырь. Раньше там стояли небольшие деревянные домики, а теперь всех жильцов переселили в новый большой каменный дом, а на этом месте решили насадить деревья и сделать парк. Сейчас пока ещё парка не было, а в углу пустыря лежала куча железного хлама, который забыли увезти: куски старых железных труб, обломки радиатора парового отопления, спутанная железная проволока.

Бабуля даже остановилась возле этой кучи железа и сказала:

— Вот не знают пионеры, где железный лом есть. Надо бы им сказать.

— А зачем пионерам лом? — спросила Ниночка.

— Ну, они ведь всегда бегают по дворам, собирают железный лом и сдают государству.

— А зачем государству?

— А государство пошлёт на завод. На заводе железо расплавят и сделают из него новые вещи.

— А кто заставляет пионеров собирать лом? — спросила Ниночка.

— Никто не заставляет. Они сами. Дети ведь тоже должны помогать взрослым.

— А мой папа помогал взрослым, когда маленьким был?

— Помогал.

— А я, бабуленька, почему я взрослым не помогаю?

— Ну и ты будешь помогать, когда подрастёшь чуточку, — засмеялась старушка.

Прошло несколько дней, и бабуля забыла про весь этот разговор. Но Ниночка ничего не забыла. Однажды она играла во дворе. Бабуля отпустила её погулять одну. Ребята ещё не вернулись из школы, во дворе никого не было, и Ниночке одной было скучно.

Вдруг она увидела, что в ворота вбежали два незнакомых мальчика. Один из них был в длинных брюках и синей матросской куртке, другой — в коричневом костюме с коротенькими штанами. Ботинки у него на ногах были не чёрные, а какие-то рыжие, потому что он всегда забывал их почистить.

Оба мальчика не обратили на Ниночку никакого внимания. Они стали бегать по всему двору, заглядывать во все углы и как будто что-то искали. Наконец они остановились посреди двора, и тот, который был в длинных брюках, сказал:

— Вот видишь! Ничего нет.

А тот, который был в рыжих ботинках, шмыгнул носом, сдвинул на затылок фуражку и сказал:

— Поищем в других дворах, Валерик. Где-нибудь да найдём.

— Найдёшь тут! — с досадой проворчал Валерик.

Они пошли обратно к воротам.

— Мальчики! — закричала вдогонку им Ниночка.

Ребята остановились возле ворот.

— Тебе чего?

— Что вы ищете?

— А тебе что?

— Вы, наверно, железо ищете?

— Ну, хотя бы железо. А тебе что?

— Я знаю, где много железа есть.

— Откуда ты знаешь?

— Вот знаю.

— Ничего ты не знаешь!

— Нет, знаю.

— Ну ладно, показывай, где оно, твоё железо.

— Это не здесь. Это надо вот пойти по улице, потом свернуть вон туда, потом ещё повернуть там, потом через проходной двор, потом... потом...

— Врёшь, видно, — сказал Валерик.

— И вовсе не вру! Вот идите за мной, — ответила Ниночка и решительно зашагала по улице.

Ребята переглянулись.

— Пойдём, Андрюха? — спросил Валерик приятеля.

— Ну что ж, пойдём, — усмехнулся Андрюха.

Ребята догнали Ниночку и зашагали сзади. Они делали вид, будто идут не с ней, а отдельно, сами по себе. На лицах у них было насмешливое выражение.

— Ишь шагает, как будто взрослая, — говорил Валерик.

— Ещё заблудится, — ответил Андрюха. — Возись тогда с ней. Придётся отводить обратно домой.

Ниночка дошла до угла улицы и повернула налево. Ребята покорно повернули за ней. На следующем углу она остановилась, постояла в нерешительности, потом смело зашагала через дорогу. Ребята, как по команде, двинулись за ней.

— Послушай, — окликнул Валерик Ниночку, — а там много железа? Может быть, там одна старая сломанная кочерга?

— Много, — ответила Ниночка. — Вам двоим и не унести.

— Сказочки! — ответил Валерик. — Мы вдвоём сколько хочешь дотащим. Мы сильные.

Тут Ниночка подошла к одному дому и остановилась возле ворот. Она внимательно осмотрела ворота и пошла во

двор. Ребята пошли следом за ней. Они дошли до конца двора, потом повернули обратно к воротам и опять вышли на улицу.

— Ты что же это? — с недоумением спросил Валерик.

— Это не тот двор, — смущённо сказала Ниночка. — Я ошиблась. Нам проходной надо, а это не проходной. Наверное, рядом.

Они пошли в соседний двор, но он тоже оказался непроходным. В следующем дворе их постигла такая же неудача.

— Что же, мы так и будем по всем дворам таскаться? — ворчливо сказал Андрюха.

Наконец четвёртый двор оказался проходным. Ребята прошли через него в узенький переулок, потом свернули на широкую улицу и пошли по ней. Пройдя целый квартал, Ниночка остановилась и сказала, что они, кажется, пошли не в ту сторону.

— Ну пойдём в другую сторону, раз не в ту. Чего тут стоять, — проворчал Андрей.

Они повернули и пошли в другую сторону; миновали переулок, снова прошли квартал.

— Ну теперь куда: направо или налево? — спросил Валерик.

— Направо, — ответила Ниночка. — Или налево...

— Что-что? — строго сказал Андрюха. — Ну и бестолковая же ты!

Ниночка заплакала.

— Я заблудилась! — сказала она.

— Эх, ты! — с укоризной сказал Валерик. — Ну, пойдём, мы тебя отведём домой, а то скажешь, что мы тебя завели да бросили посреди улицы.

Валерик взял Ниночку за руку. Все трое отправились в обратный путь. Андрюха шёл позади и ворчал про себя:

— Из-за этой пигалицы столько времени даром потратили. Без неё давно где-нибудь железо нашли бы!

Они снова вернулись к проходному двору. Валерик уже хотел свернуть в ворота, но тут Ниночка остановилась и сказала:

— Стойте, стойте! Я, кажется, вспомнила. Нам вот туда надо.

— Куда это «вот туда»? — недовольным тоном спросил Андрей.

— Вот туда. Через этот проходной двор, что напротив. Я теперь вспомнила. Мы с бабушкой через два проходных двора шли. Сначала через тот, а потом через этот.

— А ты не обманываешь? — спросил Валерик.

— Нет, кажется, не обманываю.

— Смотри, если железа не будет, мы тебе покажем, где раки зимуют.

— А где они зимуют?

— Тогда узнаешь. Пойдём!

Ребята перешли на другую сторону переулка, прошли через проходной двор и очутились на пустыре.

— Вот оно, железо! Вот оно! — закричала Ниночка.

Андрей и Валерик со всех ног бросились к куче железного лома.

Ниночка бежала за ними вприпрыжку и радостно твердила:

— Вот видите! Я говорила вам. Правду я говорила?

— Молодчина! — похвалил её Валерик. — Ты говорила правду. Как тебя звать?

— Ниночка. А вас?

— Меня Валерик, а вот его — Андрюха.

— Не надо говорить — Андрюха, надо говорить — Андрюша, — поправила Ниночка.

— Ничего, он не обижается, — махнул рукой Валерик.

Ребята принялись разбирать ржавые трубы и обломки от радиатора. Железо было наполовину засыпано землёй, и вытаскивать его было не так-то просто.

— А тут и правда много железа, — сказал Валерик. — Как мы его дотащим?

— Ничего. Свяжем две трубы проволокой, и получатся носилки, — придумал Андрей.

Ребята принялись мастерить носилки. Андрей работал старательно. Он всё время шмыгал носом и проводил по нему кулаком.

— И носом так делать не надо, Андрюша, — наставительно сказала Ниночка.

— Ишь ты! А это ещё почему?

— Бабушка не велит.

— Много она понимает, твоя бабушка!

— Бабушка всё понимает, потому что она самая старшая.

На вот тебе лучше платочек.

Ниночка достала из кармана аккуратно сложенный беленький, как снежинка, платочек. Андрюха взял его, некоторое время глядел на него молча, потом протянул обратно:

— Возьми, а то я тебе его своим носом измажу.

Он вынул из кармана носовой платок — правда, не такой белоснежный, как у Ниночки, — и высморкался.

— Вот видишь, как хорошо!

— Чего ещё лучше-то! — ответил Андрюха и скорчил такую физиономию, что Ниночка не могла удержаться от смеха.

Когда носилки были готовы, ребята погрузили на них железо, и только одна толстая кривая труба не поместилась.

— Ничего, её потом при случае захватить можно будет, — сказал Валерик.

— Зачем потом? — ответила Ниночка. — Я помогу вам.

— И то правда! — подхватил Андрюха. — Пойдём с нами в школу, тут недалеко. А потом мы тебя домой отведём.

Ребята взяли носилки и потащили железо к школе, а Ниночка положила на плечо кривую трубу и зашагала за ними.

...С тех пор как бабуля отпустила Ниночку погулять, прошёл целый час.

— Что-то моя стрекоза загулялась сегодня, — сказала бабуля, когда вспомнила, что Ниночка уже давно гуляет. — Как бы она не забежала куда-нибудь без меня.

Старушка накинула на плечи платок и вышла во двор. Во дворе было много ребят. Они играли в «пятнашки».

— Ребята, вы не видели Ниночку? — спросила бабуля.

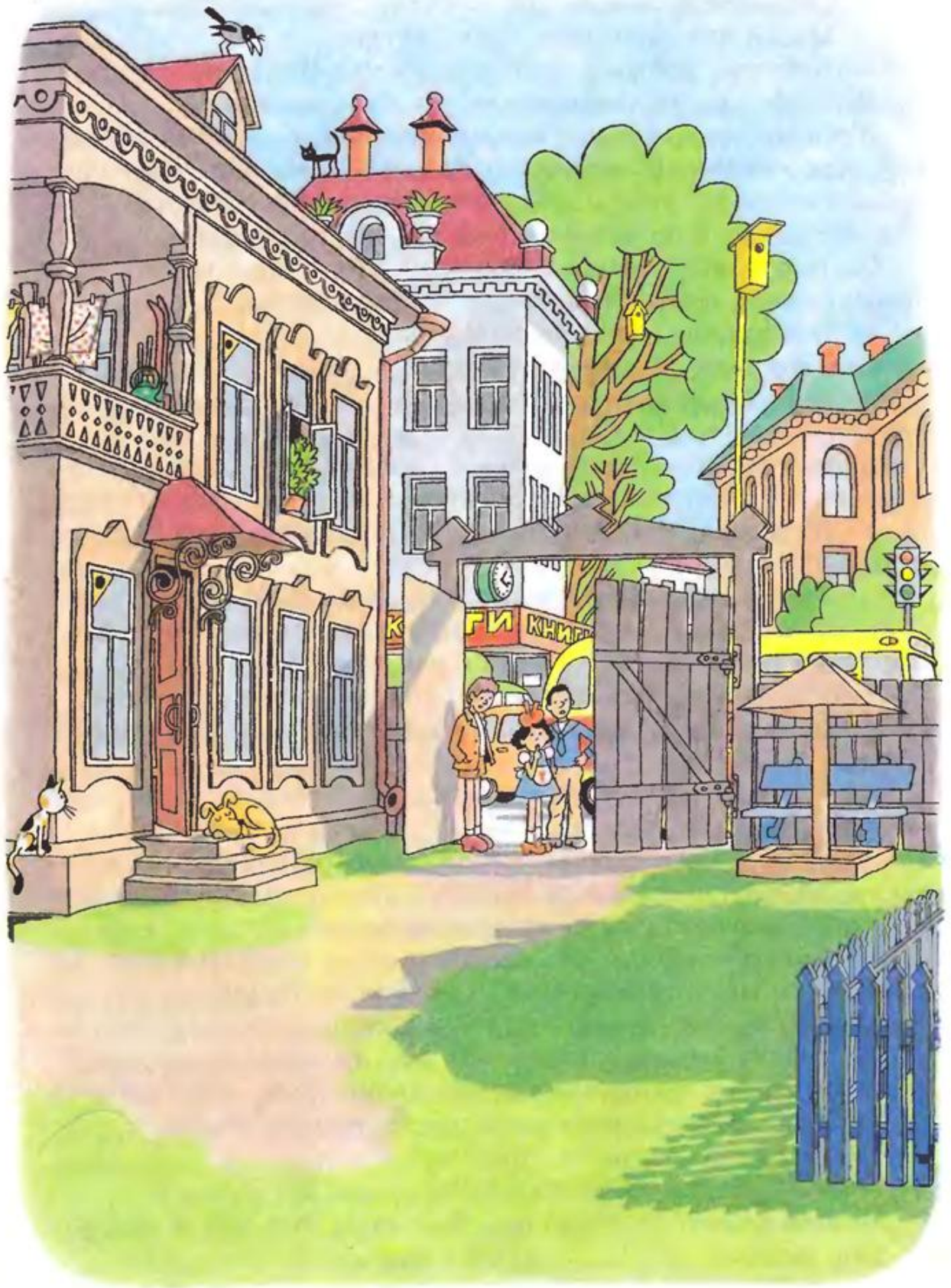
Но ребята так заигрались, что не слышали её вопроса.

В это время мимо пробежал мальчик Вася. Он был весь красный от беготни, волосы на голове взлохматились.

— Ты, Вася, не видел Ниночку?

— А её здесь нет, — сказал Вася.

— Как — нет? — удивилась бабуля. — Она уже с час как во двор пошла.

— Да нет, бабушка, мы здесь давно играем, а её и не видели,— сказала девочка Светлана.— Ребята! — закричала она.— Ниночка потерялась!

Все сейчас же оставили игру и столпились вокруг старушки.

— Может быть, она пошла на улицу? — сказал Вася.

Несколько ребят бросились на улицу и сейчас же вернулись обратно.

— Её там нет,— сказали они.

— Наверное, к кому-нибудь из соседей пошла,— сказал кто-то.— Вы, бабушка, у соседей спросите.

Бабуля пошла по соседским квартирам, а ребята ходили за ней хвостом. Потом они принялись бегать по всем сараям, лазить по чердакам. Даже в подвал спускались. Ниночки нигде не было. Бабуля ходила за ними следом и приговаривала:

— Ах ты, Ниночка, Ниночка! Ну попадись же ты мне! Я тебе покажу, как пугать свою бабушку!

— А может, она куда-нибудь в чужой двор забежала? — сказали ребята.— Ну-ка, бежим по дворам! А вы не ходите, бабушка. Мы, как только найдём, сейчас же вам скажем. Идите домой, отдохайте!

— Какой уж тут отдых!

Старушка вздохнула грустно и вернулась домой. К ней сейчас же заглянула соседка:

— Не нашлась Ниночка?

— Нет.

— А вы пошли бы в милицию. Вдруг она там.

— Ах, верно! И верно! — сказала бабуля.— А я-то, глупая, сижу здесь...

Она вышла из дому. У ворот её встретили ребята.

— Мы, бабушка, по эту сторону улицы все дворы обыскали! — закричали они.— Теперь по другой стороне пойдём. Вы не беспокойтесь, отыщем.

— Ищите, ищите, милые! Спасибо вам! Вот уж спасибо! Ах, я глупая, старая. Недоглядела! Ах!.. Я и наказывать не стану её. Совсем ничего не скажу, только нашлась бы!

— А вы куда, бабушка, идёте?

— Я в милицию, детки, в милицию.

Она зашагала по улице и всё время оглядывалась по сторонам. Наконец добралась до отделения милиции и отыскала детскую комнату. Там был дежурный милиционер.

— Сыночек, нет ли у вас здесь моей девочки? Внучка у меня потерялась, — сказала бабуля.

— Сегодня мы ещё никого из ребятишек не находили, — ответил милиционер. — Но вы, гражданка, не беспокойтесь. Отыщется ваша девочка.

Он усадил старушку на стул и раскрыл большую, толстую тетрадь, которая лежала на столе.

— Сколько лет вашей девочке? — спросил он и стал записывать. — Как звать, где живёт?

Записал всё: и имя, и фамилию, и что Ниночка одета в голубое платье и белый передничек с красным зайчиком. Это чтоб легче было искать. Потом спросил, имеется ли дома телефон, и записал номер.

— Так вот, бабуся, — сказал наконец он, — идите теперь домой и не беспокойтесь. Может быть, ваша Ниночка уже ждёт вас дома, а нет — так мы вам живо её разыщем.

Старушка немного успокоилась и отправилась в обратный путь. Но чем ближе она подходила к дому, тем больше росла её тревога.

У ворот дома она остановилась. К ней подбежал Вася. Волосы у него на голове ещё больше взлохматились, а на лице блестящие капельки пота.

— Ниночкина мама пришла, — объявил он с испуганным видом.

— А Ниночка?

— Её не нашли ещё.

Бабушка прислонилась к калитке. Ноги у неё стали слабые. Она не знала, как скажет Ниночкиной маме о том, что Ниночка потерялась. Она хотела ещё что-то спросить у Васи, но вдруг увидела на тротуаре двух мальчиков. Они быстро шагали по улице, а между ними семенила ногами маленькая девочка. Оба мальчика держали её за руки, а она то и дело поджимала под себя ноги и, повиснув на руках у ребят, визжала от удовольствия. Вместе с ней смеялись и мальчики. Вот они уже подошли близко, и бабушка увидела на голубом платье девочки белый передник с красным зайчиком.

— Да ведь это Ниночка! — обрадовалась бабушка. — Вот счастье!

— Бабуленька! — закричала Ниночка и бросилась к ней.

Бабушка схватила Ниночку на руки, стала целовать её. А Андрей и Валерик остановились рядом и смотрели на них.

— Спасибо вам, мальчики. Где вы её нашли? — спросила бабушка.

— Кого? — с недоумением спросил Валерик.

— Да вот её, Ниночку.

— Ах, Ниночку! Слушай, Андрюха, ты не помнишь, где мы нашли Ниночку?

Андрюха привычно шмыгнул носом, огляделся по сторонам и сказал:

— Где?.. Да вот тут, в этом самом дворе. Тут мы её и нашли. А отсюда пошли за железом.

— Ну спасибо, детки! Вот уж спасибо! — твердила бабушка.

Она опустила Ниночку на землю и, крепко держа за руку, повела домой. В коридоре их встретила мать Ниночки. Она надевала на ходу шляпу. Лицо её было встревожено.

— Что тут у вас происходит? — спросила она. — Только что звонили по телефону из милиции. Спрашивали, вернулась ли Ниночка. Куда она ходила?

— Ничего, ничего, — успокоила её бабушка. — Ниночка потерялась, а теперь вот нашлась.

— Да нет, бабуля, я вовсе не потерялась, — сказала Ниночка. — Я ходила с мальчиками показать, где железо.

— Какое ещё железо?

Ниночка принялась рассказывать про свои похождения. Бабушка только ахала, слушая её рассказ.

— Ишь чего только не выдумают! — говорила она. — Железо им зачем-то понадобилось.

— Ну, бабулька, ты ведь сама говорила, что дети должны помогать взрослым. Папа тоже помогал, когда был маленьким. Вот и я помогаю.

— Ты хорошо сделала, что помогла пионерам, — сказала Ниночке мама. — Но сперва надо было спроситься у бабушки. Бабушка беспокоилась.

— Ты совсем не жалеешь свою бабулю! — кивала головой старушка.

— Я тебя жалею, бабуленька! Теперь я всегда буду спрашиваться. А мы с тобой ещё где-нибудь железо найдём. Много железа! Правда?

В тот день только и разговоров было, что про это железо. А вечером все снова сидели за столом. Бабуля и мама писали папе письмо. А Ниночка рисовала картинку. Она нарисовала маленький, занесённый снегом арктический посёлок: всего несколько домиков на берегу замёрзшей реки. Жители посёлка собрались на пригорке и ждут самолёт. А самолёт уже виден вдали на небе. Он везёт людям нужные вещи: кому сахар, кому муку, кому лекарство, а детям — игрушки. Внизу Ниночка нарисовала себя с толстой железной трубой в руках и подписала большими печатными буквами: «И Я ПОМОГАЮ».

— Вот замечательно! — обрадовалась бабуля. — Мы эту картинку пошлём в письме папе, и папа будет знать, какая у него дочурка хорошая.

МИЛИЦИОНЕР

Больше всего на свете Алик боялся милиционеров. Его всегда дома милиционером пугали. Не слушается — ему говорят:

— Вот сейчас милиционер придёт!

Нашалит — снова говорят:

— Придётся тебя в милицию отправить!

Один раз Алик заблудился. Он даже сам не заметил, как это случилось. Он вышел гулять во двор, потом побежал на улицу. Бегал, бегал и очутился в незнакомом месте. Тут он, конечно, стал плакать. Вокруг собрался народ. Стали спрашивать:

— Где ты живёшь?

А он и сам не знает!

Кто-то сказал:

— Надо его в милицию отправить. Там найдут его адрес.

А Алик, как услышал про милицию, ещё громче заплакал.

Тут милиционер подошёл. Он наклонился к Алику и спрашивает:

— Тебя как звать-то?

Алик поднял голову, увидел милиционера — и бегом от него. Только недалеко убежал. Его быстро поймали и держат, чтобы не забежал ещё куда-нибудь.

А он кричит:

— Не хочу в милицию! Лучше я заблуженный буду!

Ему говорят:

— Нельзя так, чтоб заблуженным быть.

— Я и так как-нибудь найдусь!

— Как же так найдёшься? Так не найдёшься!

Тут милиционер снова подошёл. Алик увидел его и такой крик поднял, что милиционер только рукой махнул, отошёл и спрятался за ворота.

Люди говорят:

— Ну не кричи. Ушёл милиционер, видишь — нет его!

— Нет, не ушёл. Вон он за воротами спрятался, я вижу!

А милиционер кричит из-за ворот:

— Граждане, узнайте хоть его фамилию, я в милицию позвоню по телефону!

Одна женщина говорит Алику:

— Вот у меня есть знакомый маленький мальчик, он никогда не заблудится, потому что свою фамилию знает.

— Я тоже знаю фамилию, — говорит Алик.

— А ну скажи.

— Кузнецов. А зовут Александр Иванович.

— Ишь ты. Молодец! — похвалила женщина. — Ты, оказывается, всё знаешь!

Она подошла к милиционеру и сказала ему фамилию Алика. Милиционер позвонил по телефону в милицию, потом приходит и говорит:

— Он совсем недалеко живёт: на Песчаной улице. Кто может отвести мальчугана домой? А то он меня почему-то боится.

— Давайте я отведу. Кажется, он уже ко мне немного привык, — сказала женщина, которая узнала фамилию Алика.

Она взяла Алика за руку и повела домой. А милиционер сзади пошёл. Алик успокоился и перестал плакать. Только он всё время оглядывался на милиционера и спрашивал:

— А зачем милиционер сзади идёт?

— Ты не бойся его! Это он для порядка. Видишь, ты не хотел сказать ему свою фамилию, а я сказала. Он позвонил в милицию, и там быстро нашли твой адрес, потому что в милиции все фамилии и адреса записаны.

С тех пор Алик милиционеров уже не боится. Знает, что они для порядка.

Прятки

Витя и Славик — соседи. Они всегда ходят друг к другу в гости. Вот раз Витя пришёл в гости к Славику. Славик ему говорит:

— Давай играть в прятки!

— Давай,— согласился Витя.— Чур, я первый буду прятаться!

— Ну ладно, а я буду водить,— сказал Славик и пошёл в коридор.

Витя побежал в комнату, залез под кровать и кричит:

— Готово!

Славик пришёл, заглянул под кровать и сразу нашёл его. Витя вылез из-под кровати и говорит:

— Это неправильно! Я плохо спрятался! Если б я хорошо спрятался, ты не нашёл бы меня. Я перепрячусь.

— Ну, пожалуйста, перепрятывайся,— согласился Славик и снова пошёл в коридор.

Витя побежал во двор и стал искать, где бы спрятаться. Смотрит — возле сарая собачья конура стоит, а в ней Бобик сидит. Он поскорей выгнал из конуры Бобика, сам залез на его место и снова кричит:

— Готово!

Славик вышел во двор и стал искать Витю. Искал, искал, никак не может найти.

А Вите надоело в конуре сидеть, он и начал выглядывать из неё. Тут Славик увидел его и закричал:

— А, вот ты куда забрался! Вылезай!

Витя вылез из конуры и говорит:

— Это неправильно! Это не ты меня нашёл. Я сам выглянул.

— Зачем же ты выглянул?

— Мне надоело в конуре скрюченным сидеть. Если бы я не был скрюченный, ты не нашёл бы меня. Я перепрычусь.

— Нет, теперь уж моя очередь прятаться,— говорит Славик.

— Ну, тогда я совсем не буду играть! — обиделся Витя.

— Ладно, перепрытывайся, раз ты такой,— согласился Славик.

Витя побежал в комнату, закрыл дверь, а сам забрался за вешалку и спрятался под пальто. Славик снова пошёл его искать. Он открыл дверь, а Бобик шмыгнул в неё, подбежал к вешалке и стал ласкаться к Вите. Витя рассердился и начал отталкивать Бобика ногой.

Славик увидел и закричал:

— А, вот ты где! За вешалкой! Вылезай!

Витя вылез и говорит:

— Это неправильно! Ты меня не нашёл! Это Бобик меня нашёл. Я перепрычусь.

— Что же это такое? — говорит Славик.— Ты всё время прычешься, а я каждый раз должен искать.

— Вот найди меня ещё раз, тогда ты будешь прятаться,— сказал Витя.

Славик снова зажмурил глаза, а Витя побежал на кухню, вытащил из посудного шкафчика всю посуду, сам залез в шкафчик и кричит:

— Готово!

Славик пошёл в кухню, видит — из шкафчика вся посуда вытащена, и сразу догадался, где Витя. Он потихоньку подкрался к шкафу, запер его на крючок, а сам побежал во двор и стал играть с Бобиком в прятки. Спрячется, а Бобик его ищет.

«Вот хорошо! — думает Славик.— С Бобиком гораздо лучше играть, чем с Витей».

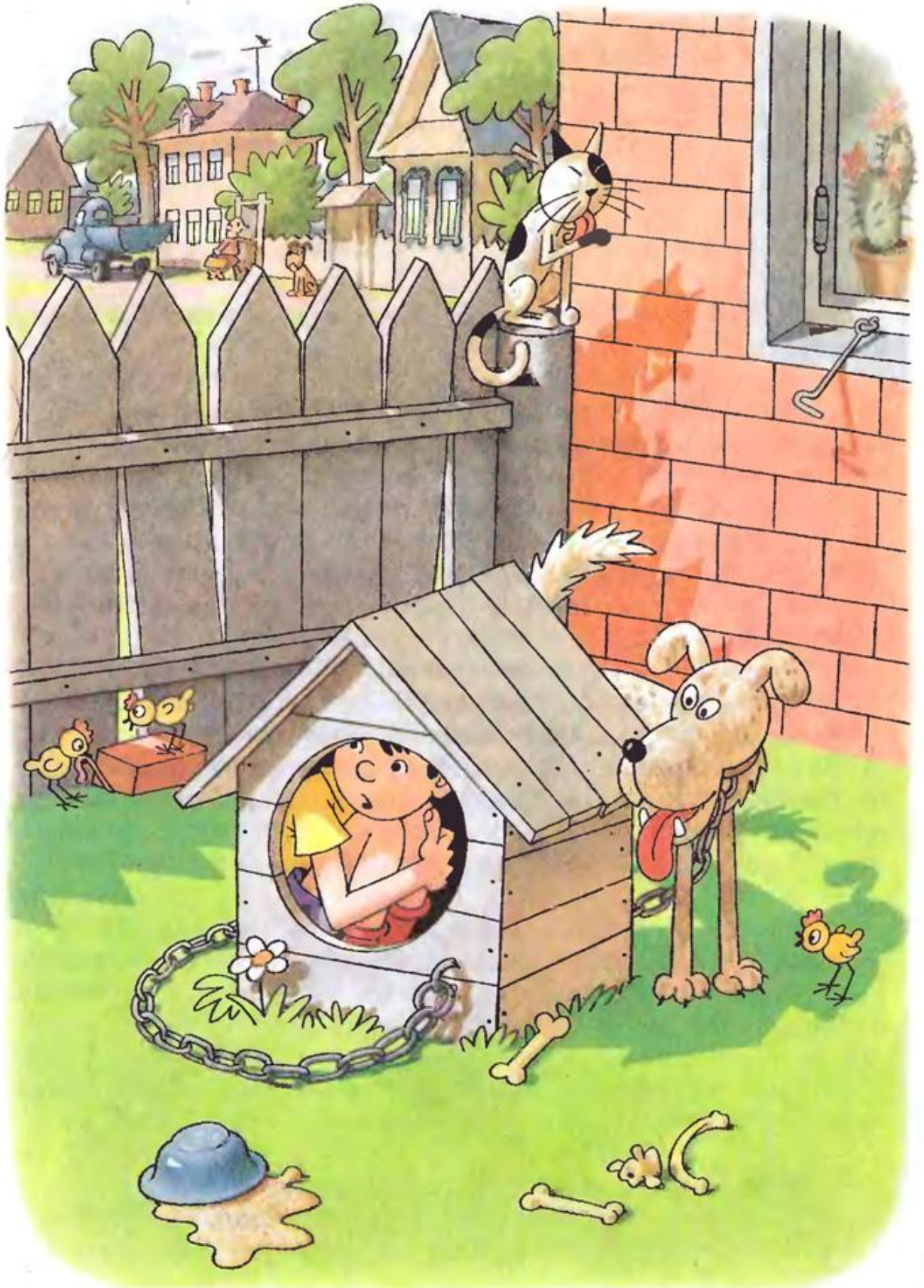
А Витя сидел в шкафчике, сидел, ему и надоело. Он хотел вылезти, а дверца не открывается.

Он испугался и давай кричать:

— Славик! Славик!

Славик услышал и прибежал.

— Выпусти меня отсюда! — закричал Витя.— Дверца почему-то не открывается.

- А будешь меня искать, тогда выпущу.
- Зачем же мне тебя искать, раз ты не нашёл меня.
- Я ведь нашёл.
- Это не ты меня нашёл! Я сам закричал. Если б я не закричал, ты не нашёл бы!
- Ну и сиди себе в шкафчике, а я пойду гулять,— говорит Славик.
- Не имеешь права! — закричал Витя. — Это не по-товарищески.
- А разве по-товарищески — заставлять меня всё время искать?
- По-товарищески.
- Ну, тогда сиди в шкафу до самого вечера.
- Ладно, буду теперь тебя искать, только выпусти,— стал просить Витя.
- Славик откинул крючок. Витя вылез из шкафа, увидел крючок и говорит:
- Это ты нарочно запер меня? Не буду за это тебя искать!
- И не надо,— говорит Славик. — Я лучше с Бобиком буду играть.
- А разве Бобик умеет искать?
- Ого! Ещё даже лучше тебя!
- Ну, давай тогда вместе от Бобика прятаться.
- Витя и Славик пошли во двор и стали прятаться от Бобика. Бобик хорошо умел в прятки играть, только глаза зажмуривать не умел.

Бабушкина Динна

Это случилось в детском саду перед празднованием Восьмого марта. Однажды, когда дети позавтракали и приготовились рисовать цветы, воспитательница Нина Ивановна сказала:

— Ну, дети, кто из вас скажет, какой скоро праздник?

— Восьмое марта. Международный женский день! — закричала Света Круглова и, вскочив со стула, запрыгала на одной ножке.

Света наизусть знала все праздники в году, потому что на каждый праздник ей дарили какой-нибудь хороший подарок. Поэтому она даже могла перечислить по пальцам: «Новый год», «Восьмое марта», «Первое мая», «День рождения» и так дальше, пока не дойдёт до нового Нового года.

Конечно, и все остальные дети — и мальчики и девочки — тоже знали, что скоро Восьмое марта, и они тоже закричали:

— Восьмое марта! Восьмое марта! Международный женский день!

— Ну хорошо, хорошо! — сказала Нина Ивановна, стараясь унять ребят. — Вижу, что вы всё знаете. Теперь давайте подумаем, что мы сделаем к празднику для наших мам. Я предлагаю устроить выставку. Пусть каждый из вас попросит маму, чтоб она дала свою фотокарточку, а мы сделаем рамочки, повесим на стену, вот и будет выставка.

— А стишков к празднику уже не будем учить? — спросил Толя Щеглов.

Он был мальчик умный, в детский садик ходил с трёхлетнего возраста и хорошо знал, что к каждому празднику надо учить какие-нибудь стишки.

— Будем и стихи учить. На это у нас времени хватит. А карточки надо заранее приготовить.

Это Нина Ивановна правильно сказала. Она знала, что у какой-нибудь из мам могло не найтись хорошей карточки и кому-нибудь понадобится сходить в фотоателье, чтобы сняться.

Так и получилось у Наточки Кашиной. То есть не у самой Наточки Кашиной, а у её мамы. Мама Наточки даже недовольна была всей этой затеей.

— Я всегда гадко получаюсь на фотографии,— говорила она.— У меня нет ни одной хорошей карточки.

А Наточкин папа над ней посмеивался и говорил, что это ей только так кажется. Мама в конце концов даже обиделась на него. А папа тогда посоветовал ей пойти и сняться, так чтобы была наконец новая, вполне хорошая карточка.

Мама так и сделала. Пошла и сфотографировалась. Но новая карточка ей почему-то ещё меньше понравилась, и мама сказала, что на старых карточках она была гораздо красивее. Тогда папа сказал, что пусть она даст в детский садик какую-нибудь старую карточку.

Мама послушалась и дала Наточке самую старую карточку. То есть это только так говорилось, что она старая. Карточка была совсем новенькая, только она была давно снята, ещё когда мама была совсем молоденькая и ещё не вышла замуж за Наточкиного папу.

В общем, в каждой семье было много разговоров об этих карточках. Мама Владика Огурцова сказала, что она не отличница вовсе, не передовик труда и поэтому не за что где-то вешать её портрет. Но Владикин папа сказал, что это ведь Международный женский день и всех женщин помещают на выставке в детском садике не за то, что они передовики труда, а за то, что они добрые, хорошие мамы, любящие своих детей.

— У нас ведь в комнате висит твоя фотография на стене,— сказал Владикин папа маме.— Почему же дети не могут повесить портреты своих мам хотя бы на праздник? Если бы я был директором детского сада, у меня не только по праздникам, а круглый год портреты всех мам висели бы на стене.

Владикина мама усмехнулась, но больше не спорила. В общем, в этом деле всё обошлось благополучно. Все мамы

дали свои портреты. И тогда каждый из ребят нарисовал на большой красной картонке беленькие ромашки с длинными лепестками, так что получились настоящие рамочки. На эти рамочки наклеили портреты мам. Все портреты повесили в два ряда на стенку, так что получилась настоящая выставка картин.

Ребята сидели на стульчиках в ряд и любовались на свою выставку. Все были рады, что на выставке висят их мамы. И всё было бы хорошо, если бы Наточка вдруг не сказала Свете, с которой сидела рядом:

— Знаешь, Светочка, твоя мама очень красивая, и моя мама очень красивая, но моя мама всё-таки красивее твоей мамы.

— Ха-ха! — громко сказала Светочка, хотя от обиды ей вовсе не хотелось смеяться. — Ха-ха! Моя мама, если хочешь знать, в миллион или даже, если хочешь знать, в сто раз красивее твоей мамы. Вот пусть Павлик скажет. Скажи ей, Павлик.

Маленький Павлик встал, внимательно посмотрел на мам и сказал:

— Твоя мама красивая, и твоя мама красивая, а самая красивая моя мама.

— Какой-то глупый! — сердито сказала Ната. — Его спрашивают, кто красивее, Светкина мама или моя! Кто красивее из них двоих? Понял?

— Понял. Из них двоих красивее всех моя мама.

— Что с ним, дурачком, разговаривать! — презрительно надув губки, сказала Света. — Вот мы лучше Толика спросим. Скажи, Толик, чья мама красивее?

Толик подошёл к стенке, где висели портреты, показал пальцем на свою маму и сказал:

— Всех красивее моя мама.

— Что? — закричали Ната со Светой, а вместе с ними и Павлик. — Вот кто красивее! Моя мама! Моя!..

Все трое вскочили, подбежали к портретам, стали показывать пальцами на своих мам. Тут и остальные ребята сорвались со своих мест. Поднялся страшный шум. Каждый тыкал в лицо своей мамы пальцем и кричал:

— Моя мама лучше! Моя мама красивее!

Владик пытался оттолкнуть Нату рукой, но Ната крепко прижимала палец к лицу своей мамы и старалась пихнуть Владика ногой. На шум прибежала Нина Ивановна. Она узнала, отчего весь этот крик, и велела всем сесть на стулья. Но никто не хотел отходить от выставки, и каждый кричал, что его мама красивее.

Тут Нина Ивановна заметила одного самого маленького мальчика, который не кричал, не визжал, а тихо сидел на своём стульчике и со спокойной улыбкой смотрел на всё это представление. Это был Славик Смирнов, который недавно поступил в детский сад. Нина Ивановна похвалила Славика за то, что он не шумит, не кричит, и сказала ребятам:

— Ах вы глупенькие, неразумные маленькие существа! Разве так может быть, чтобы все были самые красивые? Вот посмотрите на Славика. Он у нас самый маленький, но самый умный, потому что не кричит, не визжит и не тычет в карточку своим пальцем.

— Это потому, что он у нас новенький и ещё не сделался смелый, — сказала черноглазая Ирочка.

— Нет, вовсе не потому, — возразила Нина Ивановна. — Он понимает, что самый, самый, самый красивый — всегда кто-нибудь один. Вот пусть Славик скажет, какая из наших мам самая красивая, а мы самой красивой маме подарим вот этот замечательный букет мимоз.

Тут только все увидели, что в руках у Нины Ивановны был большущий букет пахучих мимоз, но никто его не заметил раньше, потому что все только спорили между собой и смотрели на своих мам.

— Давайте! Давайте! — закричали все разом. — Пусть говорит Славик. Он сидел тихо и не лез вперёд со своей мамой. Он правду скажет.

— Ну, иди и покажи, какая мама самая красивая, — сказала Славика Нина Ивановна.

Славик встал, не спеша подошёл к выставке и показал на карточку, на которой была снята старенькая женщина в старой стёганой ватной куртке и в чёрном некрасивом платке на голове.

— Вот самая красивая, — сказал он.

Что тут было! Какой крик поднялся! Все стали кричать,

что Славик сказал неправду. А некоторые захохотали так громко, что у них затряслись на голове волосы.

— И нечего тут смеяться, — сказал Славик. — Она просто в некрасивой одежде снята. Её дядя Василий на заводе в спец-одежде снял. А когда она в праздник наденет красивое платье, её и не узнать!

— Это он нарочно говорит, что его мама самая красивая, чтоб ей достался букет! — кричали ребята. — Нина Ивановна, не отдавайте его маме букет!

— Да разве это моя мама? — удивился Славик. — Это совсем не моя мама. Это просто бабушка Динь. А моя мама ещё красивее, чем бабушка Динь.

— Какая ещё бабушка Динь? — закричали ребята.

— Ну, бабушка Дина, — объяснил Славик. — Когда я был маленький, я не мог сказать «Дина», а говорил просто «Динь». Вот с тех пор бабушка Дина и стала бабушкой Динь. Мама и папа уехали на два года работать на Север, а я живу с бабушкой Динь. Бабушка Динь хорошая. Она добрая и всегда играет со мной. А теперь даже игрушки дарит. Теперь я подросток и пошёл в детский сад, поэтому бабушка Динь вернулась на завод и, когда получает получку, покупает какой-нибудь подарочек мне. У меня теперь много игрушек. Я их берегу, потому что их подарила мне бабушка Динь.

И тогда Нина Ивановна сказала притихшим ребятам:

— Вот видите, мои маленькие мышата. Каждому из вас кажется всех красивее своя мама, потому что каждый из вас любит свою маму. Значит, самый красивый для нас тот человек, которого мы любим больше всего на свете. И неважно, старый он или молодой, взрослый или ребёнок.

— А кому мы букет отдадим, если так получилось, что все красивые? — спросила Ната.

И тогда Нина Ивановна сказала:

— Давайте отдадим букет бабушке Динь, раз мы так условились. К тому же мам к нам на праздник придёт много, а бабушка Динь будет одна. Мы подарим ей этот букет за то, что она самая старшая среди мам. Согласны?

И все согласились. И так и сделали. Когда мамы пришли в детский садик на праздник, вместе с ними пришла и бабушка Динь. И все увидели, что она в красивом, праздничном платье,

а волосы у неё были совсем белые, на лице много морщин, а глаза добрые, ласковые.

Потом все читали приготовленные к празднику стихи, а когда со стихами было покончено, каждый подарил своей маме её портрет в красивой рамке с беленькими ромашками. А потом Света отдала букет мимоз бабушке Динь. Нина Ивановна сказала, что дети решили подарить букет бабушке Динь, потому что она самая старшая среди мам.

Бабушка Динь поблагодарила детей, но не взяла себе все цветы, а каждому дала по веточке мимозы. И каждого, кому давала цветы, она гладила рукой по головке. И когда она погладила по головке Свету, Света почувствовала, что рука у бабушки Динь мягкая, ласковая, точь-в-точь как у Светиной мамы. И Свете уже совсем не было жалко, что цветы достались не её маме.

А Владик сказал:

— На следующий год мой папа поедет в путешествие на Курильские острова, и когда будет Международный мужской день, я принесу на выставку портрет дедушки. Тогда букет мимоз подарим моему дедушке.

А Ната сказала:

— Глупенький! Бывают только международные женские дни, а международных мужских дней не бывает.

А Нина Ивановна сказала:

— Надо говорить «дней», а не «днёв». Международных мужских дней действительно не бывает, но это ничего. Мы в нашем детском саду устроим один такой день, чтобы папам и дедушкам не было обидно.

Тогда все мамы весело рассмеялись. А веселей всех смеялась бабушка Динь, так как была рада тому, что ей достался букет мимоз.

ПРО РЕПКУ

Вот и весна пришла. На небе засияло яркое солнышко. Стало тепло на дворе, даже не нужно было пальто надевать — совсем как летом. Из-под земли вылезла зелёная травка. Молодые липки на улице ещё вчера стояли совсем-совсем голые, а сегодня они в один день покрылись маленькими листочками, такими мягкими, нежными. Очень радостно было смотреть на них! В этот день Павлик пришёл из детского сада домой и сказал маме:

— Мама, скоро мы поедem с детским садом на дачу! Нам Ольга Николаевна сказала. Через неделю.

— Вот и хорошо, — сказала мама. — Будешь там отдыхать, на даче.

— А я и не устал вовсе, — ответил Павлик. — Зачем же мне отдыхать? Лучше я буду что-нибудь делать.

— Ну, будешь собирать в лесу ягоды и грибы. Будешь ловить в поле бабочек. Хочешь, я куплю тебе сачок для бабочек?

Павлик задумался:

— Лучше купи мне лопату, чтобы землю копать. Я буду огород сажать.

— Хорошо, — сказала мама и купила ему лопатку.

На другой день Павлик принёс лопатку в детский сад и всем показывал:

— Смотрите, какая у меня лопата есть! Я буду огород сажать.

Дети окружили его и стали смеяться:

— Разве ребята сажают огород? У тебя всё равно ничего не вырастет.

— Почему не вырастет? Вырастет! — сказал Павлик.

— Нет, не вырастет! Нет, не вырастет!

Ну и крик тут поднялся! Ребят было много, и все так громко кричали. Разве мог Павлик перекричать всех? От обиды он чуть не заплакал.

— Ты не плачь,— сказала ему самая маленькая девочка, Ниночка.— Хочешь, будем вместе сажать огород? Я тебе помогать буду, и у нас вырастет большой-пребольшой огород.

— Конечно, вырастет,— сказал Павлик.

Он успокоился и больше не спорил с ребятами.

Вечером пришла за ним бабушка, и он сказал:

— Бабушка, бабушка, а вырастет у меня огород?

— Вырастет.

— А что я сажать буду, бабушка? У меня ведь нет никаких семян.

— Я куплю.

— Так ты поскорей купи, бабушка, а то мы скоро уедем.

— Завтра куплю.

На следующее утро Павлик проснулся, а бабушка ему говорит:

— Вот твои семена.

И дала ему небольшой бумажный пакетик. Павлик посмотрел, а в пакете — зёрнышки, маленькие-маленькие! Каждое величиной с маковку.

— Что же это за семена? — спросил он.

— Это семена репки.

— Отчего же они такие маленькие?

— Такие уж семена у репки,— сказала бабушка.

— Из каждого зёрнышка вырастет репка? — спросил Павлик.

— Вырастет.

— Да как же она вырастет, бабушка?

— Так уж и вырастет. Сам увидишь.

Бабушка объяснила Павлику, как вскопать землю и сделать грядку и как посадить семена. Павлик слушал внимательно и всё понял. Он взял с собой семена в детский сад и стал показывать ребятам:

— Ребята, ребята, посмотрите, какая у меня репка!

— Какая же это репка? — удивились ребята. — Репка большая, а это какой-то мак.

— Нет, не мак, — сказал Павлик. — Это репкины семена, а из них репка вырастет.

— Как же она вырастет?

— Не знаю.

— Сам не знаешь, а говоришь, — сказали ребята и не стали его слушать.

Неделя быстро прошла, и детский сад уехал на дачу. В первый же день, как только приехали, Павлик пошёл к Ольге Николаевне и спросил:

— Ольга Николаевна, можно, я буду огород сажать? У меня семена есть.

— Можно, — сказала Ольга Николаевна.

Она показала Павлику место за домом, где можно было устроить грядку. Павлик взял лопату и принялся вскапывать землю. Прибежали ребята и стали смотреть. Земля была твёрдая, и копать было трудно. Павлик очень старался и не хотел бросать начатого дела. Ниночка увидела, что он очень устал, и сказала:

— Дай теперь мне покопать, Павлик, ты устал.

— Ну, покопай немножечко, — согласился Павлик, — а потом снова я.

Ниночка взяла лопату и стала копать.

Ребята смотрели, смотрели, им тоже захотелось покопать землю.

— Дай и нам покопать, — стали просить они Павлика.

— Копайте, — говорит Павлик.

Ребята по очереди стали копать. Они даже заспорили между собой, кому раньше копать, но Павлик сказал:

— Если будете спорить, то совсем заберу лопату.

Тогда ребята утихли и стали работать без шума. До обеда грядка была готова, а после обеда Павлик разрыхлил землю граблями и принялся сажать семена.

— Дай и нам посадить, — стали просить ребята.

— Не могу. Мне самому интересно, — ответил Павлик.

— Дай! Мы ведь тоже землю копали, — сказал Толя.

— Я ведь не заставлял вас.

— Ну, дай хоть одно зёрнышко!

Павлик дал ему посадить одно семечко. Тогда и другие ребята стали просить. Пришлось каждому дать по зёрнышку. Но это ничего. Зёрнышек было много, так что некоторые даже по две штуки посадили.

На следующий день ребята проснулись рано и сразу побежали в огород. Всем хотелось поскорей посмотреть, не взошли ли семена, но, конечно, семена не могли так быстро взойти.

— Если огород поливать, то семена быстро взойдут, — сказала Надя.

Ребята побежали к Ольге Николаевне, попросили у неё садовую лейку и стали поливать грядку водой. Теперь каждое утро они поливали грядку из лейки и смотрели, не показываются ли из земли ростки. Но прошло несколько дней, а ростков никаких не было видно.

— Что же это такое? — говорили ребята. — Мы, наверно, зёрнышки вверх ногами посадили — вот они и растут вниз, а не вверх.

И ребята перестали поливать огород. Павлик думал:

«Может быть, мы и на самом деле зёрнышки вниз головой посадили? Разве разберёшь, где у них голова, где ноги! Они маленькие!»

Ещё два дня он поливал огород, а потом тоже бросил.

— Вот тебе и выросла репка! — говорили ребята. — Даром только трудились.

Павлик перестал думать об огороде. Он играл вместе с ребятами, собирал в лесу ягоды, ловил в поле бабочек и придумал устроить во дворе кормушку для птиц. Ребята приносили остатки от обеда и ужина и кормили птичек, которые прилетали из леса.

Один раз Павлик бежал мимо грядки и увидел, что на ней появилась зелёная травка.

— Ну вот, — сказал он, — уже наш огород зарастает травой!

Тут он заметил, что травка растёт правильными рядами, будто её кто-то нарочно посадил.

— Да это ведь наша репа растёт! — закричал Павлик.

Прибежали ребята.

— А может быть, это и не репа? — сказали они.

— Вот увидите, что будет репка, — ответил Павлик. — Раз бабушка сказала — репка, значит, и будет репка.

Ребята снова стали поливать огород. Травка выросла всё больше и больше и превратилась в кустики с большими листьями.

Но время незаметно прошло, и наступила пора уезжать в город.

— Эх, — горевал Павлик, — не успела вырасти репка!

Он пошёл к Ольге Николаевне и спросил:

— А когда мы уедем, кто здесь будет на даче жить?

— Приедут другие дети, из другого детского сада.

— А! Ну, тогда хорошо. Пусть они себе мою репку возьмут, когда вырастет.

Ребята уехали. Стало тихо на даче. Только птички порхали возле пустой кормушки и громко чирикали, будто спрашивали друг друга, куда делись дети. На следующий день приехали ребята из другого детского сада. Они бегали по всему двору, заглядывали во все уголки.

— Глядите, огород! — закричал кто-то.

Отовсюду сбежались дети. Кто-то вырвал несколько кустиков из земли. Тут прибежала самая старшая девочка, Зина.

— Зачем же вы топчете огород? — закричала она. — Как вам не стыдно! Кто-то сажал, а вы разоряете! Ну-ка, сажайте кустики обратно!

Ребята послушно посадили кустики в землю. Зина придумала сделать вокруг грядки ограду. Ребята побежали собирать палочки и сделали из них вокруг огорода забор. С тех пор никто больше не топтал грядку.

Наступило жаркое время. Солинышко по целым дням припекало всё сильнее и сильнее. Две недели подряд не было дождика, даже не появилось ни одной тучки. Земля на грядке вся высохла и потрескалась. Кустики стали вянуть. Листики на них опустились книзу и начали даже желтеть. Однажды Зина шла мимо грядки.

— Бедные кустики, — сказала она, — совсем завяли! Если не будет дождика, они вовсе засохнут.

Она взяла кружку, принесла воды и стала поливать грядку.

Ребята увидели и прибежали кто с кастрюлей, кто с чай-

ником, а кто и просто со стаканом. Грядку полили так, что вся земля стала мокрая. Потом ребята нашли в сарае старую садовую лейку и с тех пор каждый поливал грядку из лейки.

Через несколько дней кустики ожили. Листочки поднялись кверху и снова стали зелёные. К концу лета они разрослись так пышно, что вся грядка покрылась зеленью, а внизу под листьями виднелись верхушки больших жёлтых репок.

— Чья же это репка? — спрашивали ребята. — Кто её посадил?

— Должно быть, те дети, которые здесь жили до нас, из другого детского сада, — сказала Зина.

Перед отъездом с дачи ребята решили убрать огород. Все стали дёргать из земли репку и складывать её на траву в кучу. Куча получилась порядочная.

— Большой урожай получился! — радовались ребята.

Они уселись вокруг и долго любовались репкой. Каждый думал, что теперь делать с ней.

Вот и осень пришла.

— Надевай-ка пальто и калошки, на дворе холодно, — сказала Павлику бабушка, когда он утром собирался идти в детский сад.

Павлик оделся и вышел во двор. Все лужи вокруг замёрзли. Тонкий ледок так и хрустит под ногами. А листьев-то сколько с деревьев напало! Прямо как по ковру идёшь.

В этот день Ольга Николаевна занималась с ребятами. Дети играли в школу. Они рисовали картинки, а Ольга Николаевна ставила всем отметки. Вдруг кто-то постучал в дверь. Ольга Николаевна отворила, и в комнату вошёл почтальон.

В руках у него был ящик, обшитый материей, на которой большими фиолетовыми буквами был написан адрес детского сада.

— Вам посылка, — сказал почтальон и поставил ящик на стол.

— А что в этой посылке? — стали спрашивать дети.

— Не знаю, ребята. Что-то очень тяжёлое — насилу я до тацил, — сказал почтальон.

Он попрощался и ушёл. Ольга Николаевна распоролла материю, которой был обшит ящик, и открыла крышку.

— Ничего не понимаю, — пробормотала она. — Какая-то репа!

Все ребята толпились вокруг и приподнимались на цыпочки: каждому хотелось заглянуть в ящик. Павлик даже на стул взобрался.

— Правда, репка! — закричал он. — Вот смешно! Кто же это мог нам репку прислать?

Тут и другие дети стали на стулья взбираться.

— Погодите, ребята, тут письмо есть, — сказала Ольга Николаевна.

Она взяла письмо, которое лежало в посылке, и стала читать:

— «Дорогие ребята! Когда вы уехали с дачи, мы ухаживали за вашей репкой. А когда лето кончилось, мы собрали весь урожай. Репка выросла большая и очень вкусная. Мы все ели, и нам очень понравилось. Мы узнали ваш адрес и решили послать вам репку в посылке. Кушайте на здоровье!»

— Значит, это та репка, которую мы сажали! — закричали ребята. — Вот какая она большая выросла!

Ольга Николаевна поставила ящик на стул, чтобы всем было видно. Ребята смотрели на репку и прыгали от радости. Ну и крику тут было!

Вечером за ребятами пришли родители. Ребята стали показывать им репку и рассказывать, как они сажали её, как поливали, как она не хотела расти, а потом как начала расти, да не успела вырасти, а потом как её вырастили другие ребята и прислали в посылке.

С тех пор когда в детский сад приходил кто-нибудь из взрослых, кто ещё не видел репки, ребята вели его в комнату, показывали репку и снова рассказывали всю эту историю с начала и до конца. А когда в детский сад поступал кто-нибудь из новых ребят, то ему первым делом показывали репку и тоже рассказывали всю эту историю.

Репка пролежала в ящике до середины зимы, и тогда Ольга Николаевна сказала, что репку надо съесть, потому что она не может так долго лежать в тёплом помещении. Репку снесли на кухню и попросили тётю Дашу приготовить её. Тётя Даша

почистила репку, аккуратно нарезала её кружочками, обдала кипятком, чтобы репка не была горькая, и полила маслом. Ребята сидели за столом, ели репку и хвалили её:

— Ах, какая вкусная репка!

— А помните, какие были репкины семена? — сказал Толя. — Совсем-совсем крошечные! Удивительно, как из них выросла такая репка.

— Это всё Павлик придумал, — сказали ребята. — Если б не Павлик, никакой репки не было бы.

СОДЕРЖАНИЕ

ФАНТАЗЕРЫ	3
ЖИВАЯ ШЛЯПА	9
АВТОМОБИЛЬ	11
НАХОДЧИВОСТЬ	15
ЗАМАЗКА	19
САША	23
НА ГОРКЕ	30
МЕТРО	32
ОГУРЦЫ	35
СТУПЕНЬКИ	38
ШУРИК У ДЕДУШКИ	40
ЛЕДЕНЕЦ	47
КАРАСИК	49
ЗАТЕЙНИКИ	56
ЗАПЛАТКА	58
И Я ПОМОГАЮ	60
МИЛИЦИОНЕР	71
ПРЯТКИ	73
БАБУШКА ДИНА	77
ПРО РЕПКУ	83
ТРИ ОХОТНИКА	92
КОГДА МЫ СМЕЕМСЯ	98
ВИНТИК, ШПУНТИК И ПЫЛЕСОС	102
БОБИК В ГОСТЯХ У БАРБОСА	105
МИШКИНА КАША	111
ДРУЖОК	120
ТЕЛЕФОН	136
БЕНГАЛЬСКИЕ ОГНИ	145
ТУК-ТУК-ТУК!	158
ОГОРОДНИКИ	165

Литературно-художественное издание

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Николай Николаевич Носов

ТУК - ТУК - ТУК!

Ответственный редактор
И. В. АНТИПЕНКО

Художественный редактор
М. А. ТРУБЕЦКОЙ

Технический редактор
В. К. ЕГОРОВА

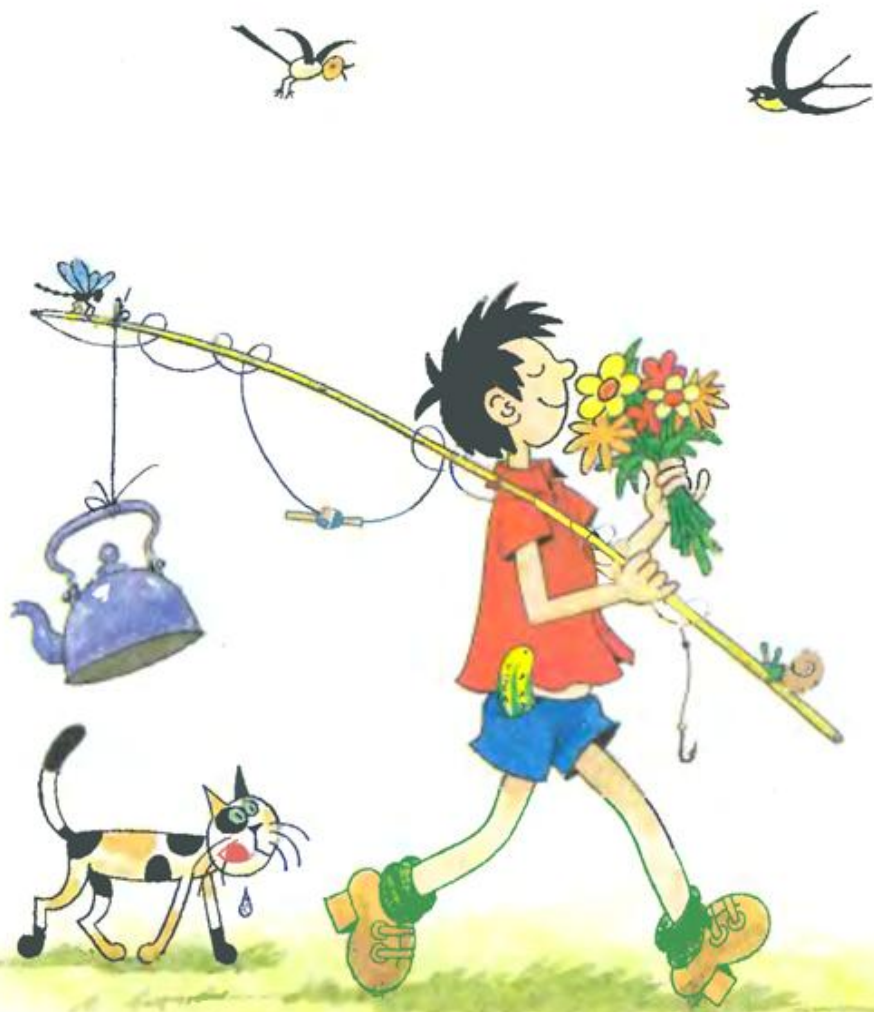
Корректор
В. А. ИВАНОВА

ИБ № 10332

Подписано к печати с готовых диапозитивов 20.11.87. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офсетная № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,87. Усл. кр.-отт. 53,24. Уч.-изд. л. 10,17. Доп. тираж 50 000 экз. Заказ № 8317. Цена 1 р. 20 к.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Николай Носов **Тук-Туж-Туж!**

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя